

А.С. Иликаев

ПРИЗРАК ДЕВУШКИ

повесть-пастораль

Уфа 2010

УДК 882–1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6–5
И 15

Иликаев, А.С.

Призрак девушки: повесть-пастораль [Текст]. –
Уфа: Вагант, 2010. – 156 с.
ISBN 978-5-9635-0168-9

ISBN 978-5-9635-0168-9

© Иликаев А.С., 2010

© Жигулева И.Г., Рисунок на обложке, 2010

© Вагант, 2010

Глава I. Ключ в замке

Деревню Альгино населяли марийцы, про обычаи которых, как в этом убеждены все, кроме самих марийцев, говорит известная пословица: в лесу родились, пням молились. Оставив вопрос о справедливости столь оригинального суждения, заметим, что к моменту описываемых событий альгинцы уже больше десяти лет поклонялись председателю колхоза «Заветы Ильича».

Каждое лето Митя вместе с матерью, Анной, приезжал отдыхать в Альгино к папиным родственникам. У дяди Альберта и его жены, Зои, не было своих детей и поэтому они быстро привязались к племяннику. Альберт любил повторять, что Митя как две капли воды похож на его покойного брата. Зоя молча поощряла эту игру, хотя видела, что племянник мужа больше напоминает свою мать: такой же худощавый, синеглазый, с веснушками на бледном, словно легко запеченная корочка хлеба, лице. Митя чувствовал себя в деревне как дома. Когда заканчивался короткий отпуск, Анна со спокойной душой уезжала обратно в Уфу.

Митя не любил играть с деревенскими ребятами. Хотя в его присутствии они редко говорили по-марийски, ему было неприятно думать о том, что они замышляют против него какую-нибудь гадость. Для них он всегда оставался городским, чужаком. Больше всего Мите нравилось гулять в одиночестве по окрест-

ным лугам и рощам, воображая себя кочующим среди прерий индейцем или искателем пиратских сокровищ.

В самом Альгино было скучно: оно находилось посреди однообразных бескрайних полей ржи и кукурузы. Только на юго-западе эта геометрическая идиллия разрушалась огромным оврагом, за которым простиралась цепь поросших лесом холмов. На его красно-белых от глины и известняка склонах росли неправдоподобно толстые, как изваяния, сосны. Митя любовался их золотистой, в крупных чешуйках, корой, отливающей всеми оттенками желтого и красного. Иногда ему казалось, что это застывшие на века великаны из народных преданий. Совсем другое впечатление производили темно-зеленые дубы. Они росли в другой стороне от сосен, вперемешку с ивами, кленами и орешником, спускаясь к ручью, будто пришедшее на водопой стадо животных.

Идя по краю оврага, в сторону соседней деревни с нелепым названием Пионер, Митя выходил к бывшей усадьбе помещиков Кошечевых, которая возвышалась на самой макушке высокого пригорка. Издали она напоминала корону на зеленой бархатной подушке. Длинный ряд конюшен, кузниц, амбаров, соединенных причудливым фронтоном и аркой с железными воротами, загораживал господский дом – двухэтажное здание из красного кирпича в викторианском стиле.

После революции в жилом здании усадьбы разместилась деревенская школа. Поскольку хозяйственные постройки стали не нужны, они пришли в запустение: кровля была разобрана, фронтоны, лишившийся части кладки, опутал вьюн и карликовые деревца, придавшие строению романтический вид.

Митя любил приходить в одну из заброшенных кузниц, где до сих пор лежала огромная наковальня.

Рухнув в густую траву, он смотрел на проплывающие в голубом небе облака. В их изгибах мальчик видел целые страны с горными хребтами, долинами и лесами. Достаточно начитанный для своих двенадцати лет, Митя уже мог разыгрывать нехитрые пьески. Верхняя, воздушная часть облака, представлялась ему шлейфом Марьи Моревны, нижняя – темная, зловещая, конем Кощея Бессмертного. Иногда, вместо сказочного персонажа, он видел огромный, на пол неба, призрак помещика Кощеева.

Как-то раз, придя в кузницу, Митя почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Он резко обернулся, но не увидел ничего кроме зеленой стены деревьев в проломе стены.

* * *

Когда Митя проходил по переброшенному через ручей деревянному мосту, на солнце набежала небольшая туча. Зеркальный блеск весело бегущей воды померк, в воздухе запахло тиной и водорослями. Пронесшийся по кронам деревьев ветер сорвал несколько листьев и, словно мелкую монету, с презрением швырнул в ручей. Не успел Митя перейти на другой берег, как небо вновь очистилось.

Поднимаясь по тропинке, он повстречал дядю Макара. На плече соседа красовалась выдранная из колхозного сарая доска. Макар весело насвистывал, довольный тем, что возвращается с работы не с пустыми руками.

Через полчаса Митя благополучно достиг ворот усадьбы. В кузнице ничего не изменилось, даже трава, казалось, была той же самой, что и в прошлый раз. Митя сел на наковальню, чувствуя исходящее от нее тепло, и вдруг увидел себя в квадратном помещении с почерневшим от копоти горном, в котором ревели жаркое пламя.

Его отсветы красными бликами причудливо играли на блестящем от пота лице дюжего кузнеца, со всей силы колотившего по белой подкове. Вылетающие из-под молота искры напоминали разноцветные конфетти. Не долетая до земляного пола, они гасли, превращаясь в черный пепел.

Когда подкова приобрела нужную форму, кузнец, ловко сбив с нее окалину, бросил готовое изделие в кадку с водой...

– Ты что здесь делаешь, пацан? – раздался вдруг чей-то громкий голос.

Митя вздрогнул и, подняв голову, увидел стоящего в проеме бородатого сторожа с тяжелым молотом в руках.

– Играю.

Сторож усмехнулся, так что его черные глаза сверкнули зеленью.

– Один?

Митя кивнул, не в силах отвести взгляда от молота.

– Ты что, городской?

– Да.

– Понятно. А я тут за школой смотрю. Вот, видишь, сегодня кузнечный молот откопал в куче щебня. – После некоторого молчания, оглядев голые стены, сторож прибавил: – Эх, надо же было такое добро растащить, ни за что порушить.

Митя встал с наковальни и поглядел на покрытое неизвестно откуда взявшимися лиловыми тучами небо.

– Мне домой пора, а то вдруг гроза начнется.

– Может в школе переждешь?

– Нет, я успею.

Пропустив Митю, сторож крикнул:

– Ну, смотри, если что, стучи в дверь.

Мальчик сбежал по склону холма, на одном дыхании перемахнув через мост. Однако не успел он выбраться из оврага, как солнце скрылось за тучами, и сделалось темно как поздним вечером. Сильный ветер набросился на старые деревья, заставив раскачиваться их с ужасным скрипом, словно корабельные мачты. Митя ускорил шаг, но в это время, заглушая бурлящий шелест листвы и трав, раздался оглушительный треск. Ослепительный столп огня, неровный, как кривая кардиограммы, ударил в высокую черемуху. Дерево вспыхнуло, будто облитое бензином. Митя пулей взлетел на пригорок, жмурясь от посыпавшихся с неба частых крупных капель.

Возможно, он бы успел добежать до школы, если бы не одно обстоятельство. Очутившись перед зданием, Митя вдруг увидел девушку. Облокотившись на подоконник, она выглядывала из раскрытого окна угловой комнаты...

Когда окно с шумом захлопнулось, и Митя наконец пришел в себя, капли слились в тугие струи, в тысячи разных мест разорвавших небо. Мальчику показалось, что он прямо в одежде упал в бурлящую реку. Перемешанный с водой ветер закружил его как щепку, чуть не сбив с ног. У Мити едва хватило сил пару раз стукнуть в дверь. К счастью, сторож открыл ее, как будто все это время простоял в ожидании гостя.

Митя меньше всего надеялся увидеть развешанные на стенах щиты и оружие, но был неприятно поражен пустотой, царящей в школе: ничего, кроме беленых стен и темно-коричневых старых парт. В некоторых местах можно было разглядеть остатки прежней обстановки: фрагменты разрушенной планировкой классных

комнат лепнины, печи-голландки с покосившимися задвижками.

Сторож привел Митю в маленькую, больше похожую на каморку, комнату с одним единственным окном, за которым металлически гремела гроза. Усадив гостя за дубовый стол, он принес чайник, початую бутылку водки и кусок пирога.

Когда напился чая, сторож спросил Митю:

– Ты пионер?

– Пионер.

– А чего галстук не носишь?

Митя искренне удивился.

– Разве летом носят галстуки?

Сторож покачал головой.

– В наше время носили. Но сейчас, конечно, все не то. Говорят, скоро указ выйдет, по которому бывшим помещикам вернут ихние именья. Вот придет Кощеев из этой своей Америки и скажет: а ну, выметайтесь из моего дома!

– Да он давно умер, – заметил Митя.

Сторож, налив в свой стакан водки, разломил пирог пополам.

– Ешья лучше, умник. У этого Кощеева, поди, куча внуков!

Митя торопливо проглотил кусочек, а потом, решив, что пришло время, спросил:

– А вы, дяденька, здесь один живете?

– Конечно один.

Митя почувствовал, как кровь жарко прилила к щекам. Это не укрылось от внимания сторожа.

– Что это с тобой?

– Да так, просто показалось, – не успел соврать Митя.

Сторож некоторое время смотрел на мальчика неподвижным, чуть пьяным взглядом, а потом вдруг расхохотался. Он смеялся до тех пор, пока из его глаз не брызнули слезы. Однако, увидев, что Митя смущенно молчит, примирительно похлопал его по плечу.

– С кем не бывает, еще не то запоешь, если наслушаешься сказок. Вот мой батя, когда неженатый был, на волынке играл, да так, что без него ни одно веселье в деревне не обходилось.

Однажды он так загулялся, что до дому не дошел, свалился где-то под березой и заснул. Так и проспал до полуночи. Вдруг слышит сквозь сон, кто-то будит его: «Вставай, вставай Василий! Свадьба в разгаре, а играть некому. Выручай, голубчик».

Протер он глаза: перед ним мужик в белой рубашке. А рядом черный жеребец, запряженный в лаковую коляску.

Сели они, и батя опомниться не успел, как приехали на свадьбу. Свадьба богатая, большая, гостей куча. Гости все резвые, веселые, только играй, волынщик. Вспотел батя от такой игры. Не долго думая, снял со стены полотенце. Вытер один глаз, принялся было за другой, да обомлел. Видит, что сидит на пне посреди болота, а вокруг хвостатые и рогатые прыгают.

«Так вот на какую свадьбу я попал!» – думает. – «Надо убираться подобру-поздорову».

«Эй, друг, – говорит он главному черту. – Мне надо до петухов попасть. С утра на праздник в соседнюю деревню приглашали».

«Не горюй, – отвечает черт. – Мигом доставим. Играешь ты здорово, гости довольны, хозяева тоже».

Свистнул – подкатила тройка черных коней, запряженных в лаковую коляску. Так дурной глаз видит,

а здоровый другое: три черных ворона, да пень суковатый. Сели, полетели. Не успели оглянуться – вот и дом. Батя в двери быстрее, да и петухи как раз запели – разбежались хвостатые.

Сколько я ни пытался дознаться, мол, скажи, что приснилось, – без толку. Батя, знай, только свое гнет: «Сейчас такого с людьми не случается потому, что как церкви закрыли, так даже черти от нас за границу сбежали».

Сторож замолчал, но ненадолго.

– Ну, это все сказки. Вот месяца два назад со мной случай произошел. Прихожу однажды на дежурство, а ключа от угловой комнаты, той, что наверху, нет. И куда он только подевался? Дверь-то была запертой!

Гроза закончилась так же неожиданно, как началась. Встав со скамьи, Митя сказал:

– Спасибо вам, дяденька. Я, наверное, пойду.

Сторож, уже давно клевавший носом, пробурчал что-то нечленораздельное и, откинувшись на спинку стула, громко захрапел.

* * *

Когда Митя проходил мимо лестницы, до его слуха отчетливо донесся подозрительный шум. Сердце мальчика испуганно сжалось. Однако любопытство оказалось сильнее.

Наверху Митя не увидел ничего, кроме громоздившегося в полутьме коридора массивного шкафа. Он уже хотел вернуться обратно, как вдруг заметил ключ в замке комнаты, о которой говорил сторож.

Митя медленно открыл дверь и вошел в совершенно пустое помещение. Свисавшие со стен обои напоминали куски гигантской стружки. Их фабричный рисунок давно выцвел, уступив место прихотливой мо-

заике темнокоричневых подтеков, мушиных точек-россыпей и, вьевшихся в бумагу, пятен пыли.

Подойдя к окну, Митя невольно замер от вида за окном. Тучи окончательно разошлись, открыв синее, как лепестки василька, небо. Заросший деревьями овраг, с серебристым швом ручья, напоминал огромную малахитовую жилу, вдруг поднятую на поверхность земли. Умытые дождем луга и поля лучились яркими красками, словно только что вышедшие из-под кисти живописца. Огромная радуга ало-зеленой лентой пронзала насыщенный влагой эфир. Очистившиеся от мутной дымки дали поражали четкостью деталей: Митя увидел соседние деревни, фермы, дороги, квадратные поля картофеля и подсолнечника, перемешанные с темно-красными клиньями гречихи, излучину Белой, над которой, в прозрачном воздухе, парил зеленый купол Воскресенского собора города Бирска.

В этот момент кто-то быстро сбежал по лестнице. Мальчик бросился следом, но не обнаружил ничего, кроме по-прежнему крепко спящего сторожа и закрытой изнутри входной двери.

Не зная, что и подумать, Митя вернулся в комнату. Отогнув кусок обоев, он нащупал небольшой круглый предмет, оказавшийся потускневшим от времени серебряным медальоном. Внутри его находился огрызок старой поздравительной открытки. Митя положил медальон в карман и тихо, чтобы не разбудить сторожа, вышел из школы.

Дома он сказал матери, что все то время, пока продолжалась гроза, просидел с соседским мальчиком Юрой в кабине грузовика.

Глава II. Призрак

Как-то раз, когда Митя гулял по саду, что-то тяжелое перелетело через забор и упало в кусты малины. Вооружившись длинной жердью, он вытащил привязанную к камню записку. Развернув ее, мальчик прочел:

Пожалуйста, верни то, что нашел в комнате. Я буду ждать тебя сегодня в девять часов вечера на старом кладбище. Сразу за кузницей есть тропинка, иди по ней до конца, ни куда не сворачивая.

P.S.: Если ты не придешь, то с тобой случится страшное несчастье.

Митя вскочил на забор, но никого не увидел.

Проходя мимо стоявшего на краю деревни колхозного амбара, он услышал подозрительный шум. Приложив ухо к стене, Митя сразу узнал голос Юры.

– Одна девушка гуляла на кладбище. Вдруг подходит к ней какая-то женщина в белом саване и спрашивает: «Что ты здесь делаешь?» – «Гуляю», – отвечает девушка.

«Молодец, что сказала правду, – похвалила ее женщина, – но ты должна пообещать мне, что ничего с собой не возьмешь!»

– А что такое «саван»? – спросил чей-то картавый голос.

– Не знаю, надо будет у бабки спросить. Она много старинных слов знает.

– Каких это еще слов?

– Ландрин, комбед, зимагор, Иисус, дева Мария...

– Папа говорит, что раньше конфеты ландрином называли, – раздался тонкий голос, принадлежащий девятилетней сестре Юры Анжеле.

– А комбед – это комитет бедноты! – съязвил рассказчик. – Вы будете слушать, или как?

– Конечно будем, правда, Денис?

– Давай что ли, – буркнул обладатель картавого голоса. – Хотя я про это уже раз сто слышал.

– Ну, значит, когда девушке надоело гулять, она вдруг увидела на земле цепочку. Потянула за нее и вытащила такую круглую штуку, в которой можно хранить разные вещи. Конечно, она тут же позабыла о своем обещании и взяла ее с собой.

И вот, когда наступила ночь, из окна в спальню девушки просунулась синяя рука и... схватила ее за шею!

– Так она что, умерла? – спросила Анжела.

– Нет, хуже, стала призраком!

– А я слышал, что она была не просто девушкой, а дочкой Кощеева, – сказал Денис.

– Теперь понятно, почему директор велел закрыть ту комнату. Это была ее комната.

– И вовсе не из-за этого, – возмутился Юра, – а из-за того, что в ней чуть потолок не обвалился.

* * *

Отойдя от амбара, Митя огляделся. На огромном чистом небе не было ни облачка. Далеко в поле работали комбайны. Усадьба, похожая на колхозную ферму,

мирно дремала в окружении кудрявых, как соцветия цветной капусты, деревьев.

Ободрив себя мыслью о том, что никаких призраков в действительности не существует, Митя решительно двинулся вперед.

Всю дорогу он громко напевал «Орленок, Орленок взлети выше солнца», так, что однажды даже перекричал возвращающееся с лугов деревенское стадо.

Однако чем ближе Митя подходил к усадьбе, тем сильнее билось его сердце. Поднявшись по склону оврага, он обернулся назад и увидел, как изменился пейзаж. Небо потемнело, комбайны исчезли. Длинные, похожие на чьи-то корявые пальцы, тени легли на поля и деревню. Обругав себя трусом, Митя одним махом взлетел на пригорок.

В какой-то момент он остановился, пораженный фантастическим и одновременно жутким зрелищем. Облитые багрянцем, исполинские, в сгустившейся прозрачности воздуха, стены хозяйственных построек надвинулись на него. Теперь в них не было ничего романтического. Из глубоких, похожих на толстых змей, трещин веяло сыростью и запустением. Очертания наполовину разобранного фронтона были настолько неправильны, резки, что создавалось впечатление, что кто-то изгрыз его своими большими, не знающими жалости, острыми зубами.

Когда огненный закат померк, оставив широкую ярко-желтую полосу, Мите показалось, что он очутился на дне глубокого ущелья.

Вооружившись палкой, Митя быстрыми шагами прошел через арку и почти сразу вышел на тропу, ведущую к помещицъему кладбищу. Несколько слетевших с веток деревьев сов черными силуэтами промелькнули в бледно-

лимонном воздухе; где-то далеко, на ферме, глухо, как погребальный колокол, ударил рельс колхозного сторожа.

Сжав палку в руках, Митя продолжил свой путь.

Кладбище выросло перед ним неожиданно, из бесконечной, надоедливой, как развешанная в гардеробе одежда, череды кленов и берез. Это была круглая поляна, в центре которой возвышалось большое, в рост взрослого человека, надгробие из черного мрамора. Его основание заросло колючей ежевикой, бока украсились светло-зелеными шишечками хмеля. Еще одно, маленькое, как собачья конура, валялось рядом. Буквы на нем настолько стерлись, что Митя смог с трудом разобрать только два слова: «приказчику Ивану». Мальчик вновь перевел взгляд на большое надгробие и увидел прекрасно сохранившийся, выбитый золотом, текст:

Покойся, милый прах, до завтрашнего утра. Екатерине Владимировне Кошечевой от безмерно скорбящих отца и матери. Родилась мая пятого дня 1877 года от Р.Х., скончалась августа тринадцатого дня 1893 года от Р.Х.

– Ты принес? – вдруг раздалось за спиной Мити.

Выронив палку, он машинально обернулся. Перед ним стояла самая обыкновенная, несколько крупная для его сверстницы, девочка с круглым смуглым лицом, на котором выделялись большие, смотрящие с какой-то пристальной грустью, черные глаза. Маленький курносый нос придавал ему странное, трогательное выражение. Девочка была одета в простое розовое платье и стоптанные калоши.

Митя вынул медальон из кармана и, ухватив его за конец цепочки, стал раскачивать перед незнакомкой.

– Так это была ты?

Взгляд девочки сделался неподвижным, словно поверхность глубокого омута.

– Я.

– Тогда как...

– Очень просто. Я спряталась за шкафом, а потом, когда ты зашел в комнату, выбежала через черный ход.

Это признание только еще больше разожгло любопытство Мити.

– Что ты делала в школе?

Девочка, вскинув нос, нахмурилась.

– А ты, в старой кузнице?

– Ничего.

– Ну, а я играла.

– Одна?

– Почему одна? С куклой, которую мне папа подарил.

Получив медальон, девочка таинственно приложила палец к губам.

– Ты только об этом никому не говори, а то его директор из школы уволит. Я иногда сбегая к нему от мачехи.

– Твой папа знает об этом?

Девочка отрицательно покачала головой, а потом произнесла совершенно взрослым голосом:

– Представляешь, однажды меня увидел почтальон, дядя Гера, и принял за призрак дочери Кощеева.

– Выходит, ты сама все придумала?

– Почему придумала? – оскорбилась девочка и вытянула руку вперед. – Вон она, прямо за тобой стоит.

Побледнев, Митя обернулся, но не увидел ничего, кроме надгробия.

– Через четыре года мне тоже исполнится шестнадцать, как и ей, и тогда... – произнесла девочка задумчиво.

Митя понял, что его разыгрывают самым наглым образом, и решил не отвечать на очередную провокацию. Он не сразу понял, что девочка говорит серьезно.

– Вообще-то это вроде поверья. Я от бабушки Тулвики слышала, она еще при царе родилась. Представляешь, эту самую дочь Кощеева сбросили в колодец. Потом ее, конечно, вытащили, но очень скоро она умерла. Убийц так и не нашли, и поэтому ее душа до сих пор бродит по окрестностям.

Мальчик недоверчиво покосился на девочку, чувствуя поднимающуюся по телу неприятную дрожь.

– А ты сама видела ее призрак?

– Не-а.

– Значит, только дядя Гера?

– С чего ты взял? Он же только один раз спутал меня с ней.

Ребята молча вышли из кладбища. Небо по-прежнему было светлым, но над землей уже начали сгущаться сумерки. На темном востоке зажглись первые звезды.

– Как тебя зовут? – спросил Митя.

– Аленона.

– А тебя?

– Митя.

Проходя по мосту, Аленона вдруг остановилась.

– Постой, мне нужно сделать одну штуку.

С этими словами она бросила медальон в воду.

Митя замер с открытым ртом.

На землю медленно опускалась ночь. Стрекотание сверчков сделалось настолько оглушительным, что временами заглушало журчание ручья.

– Зачем? – спросил Митя.

– Много будешь знать, скоро состаришься. Ты разве никогда не слышал про секретики?

– Так это был твой секретик?

Аленона кивнула.

– Но тогда зачем... – начал Митя, но девочка сердито прервала его.

– Затем. И вообще, это тебя не касается.

Не успел Митя опомниться, как Аленона, скинув калоши, полезла в воду.

– Ой, мамочки, как холодно! – взвизгнула она и почти сразу выскочила, зажав медальон в руках.

На следующий день Анна узнала, что ее сын связался с дочкой школьного сторожа. Разумеется, Зоя не ограничилась только этим известием и в один присест выложила все, что знала о семье Забельских.

– Мать их бросила, усвистала с оператором кинопередвижки. Говорят, в Москву. Потом Константин нашел какую-то сколопендру. Сейчас вот живут, лаются. Анфиса мачеха, как-никак. Правда, Аленона хороша, вся в мать – упрямая. Анфиса ей одно слово, та два. Говорят, яблоко от яблони недалеко падает.

Зоя была сильно разочарована спокойной и даже, как показалось ей, насмешливой реакцией Анны. Она уж было открыла рот, чтобы разразиться бранью в адрес городских прошмандовок, как вдруг вспомнила о том, откуда приехала ее невестка.

Глава III. Пропали и нашлись

Потянулись однообразные, словно прорези в перфокарте, дни. Погода испортилась, подул сырой холодный ветер.

Однажды Митя решил сходить посмотреть на тракторную станцию в Сатурнеево, которое находилось примерно на таком же расстоянии от Альгино, как и Пионер, но было самой большой деревней в округе. Кроме того, через Сатурнеево проходила асфальтовая дорога.

Прежде чем попасть на станцию, Мите следовало пройти мимо кирпичного здания новенького сельского клуба. Уступая дорогу вихляющему по липкой грязи грузовику, мальчик направился в обход здания. Неожиданно его привлекла открытая в стене дверь.

Митя замер как стрелок перед выстрелом. Узкая комната была доверху заставлена книгами! Между шкафами алели и синели криво нарисованные гуашевыми красками плакатики: «Ребятам о зверятах», «Для внеклассного чтения», «Пионеры-герои».

Судя по буйно разросшейся перед входом в хранилище знаний траве, местные жители были здесь нечастыми гостями. Это придало Мите заряд необходимой храбрости, и он осторожно переступил порог библиотеки.

Сначала Мите показалось, что он попал в склеп. В комнате пахло пылью. За столом сидела женщина в ветхой розовой кофточке и очках с толстыми, словно

смотровые стекла в противогазе, линзами. Один глаз библиотекарши, мутный, как сварившийся белок, смотрел в высокое, на уровне потолочной лампочки окно, другой, зеленочно яркий, протыкал посетителя невидимым острием. Появление Мити не произвело на библиотекаршу никакого впечатления.

Неожиданно, бледные, как изнанка шляпки мухомора, губы женщины дрогнули, смотрящий прямо глаз нервно дернулся, и она произнесла с детской легкостью в голосе:

– Вы мне снитесь, молодой человек.

Митя, решив, что библиотекарша рехнулась, попытался к выходу.

Женщина улыбнулась и вдруг стала обычной теткой.

– Ладно не бойся, это я так неудачно пошутила. Сдуреешь одна сидеть. Летом только городские и ходят.

Библиотекарша с неприличной резвостью выскочила из-за стола и принялась переставлять книги на выставочном стенде.

– Ты в Альгино у тети Зои живешь?

– Да, а вы ее знаете? – спросил Митя и тут же подумал о том, как глупо прозвучал его вопрос.

– Конечно. Я тетя Валентина, а она моя двоюродная сестра.

Обернувшись к Мите, библиотекарша обвела пухлой рукой книжные полки.

– Выбирай, что тебе нравится.

– А... э... у вас есть «Приключения Незнайки»? – пробормотал Митя, замирая от собственной наглости.

– Есть.

– А «Всадник без головы»?

Мите показалось, что второй глаз библиотекарши перестал смотреть в окно.

– Найдется.

Митя тихонько ущипнул себя, чтобы убедиться в том, что не спит. Словно угадав направление его мыслей, библиотекарша сказала:

– И «Три мушкетера».

Пока библиотекарша заполняла формуляр, Митя, поощренный ее обещаниями, рассматривал стенд с многообещающей надписью «Новые поступления».

– Можно? – спросил он, указывая на обложку романа Шарлоты Бронте «Джейн Эйр».

Библиотекарша покачала головой.

– Тебе еще рано читать такие книги.

Митя обиженно замолчал. И вдруг его осенило.

– Это правда, что рассказывают в деревне про призрак девушки?..

* * *

Как все мальчишки, Митя читал запоем, пропуская без малейшего вреда целые страницы. За какие-нибудь три-четыре года, он преодолел путь от «Зайки-зазнайки» до «Таинственного незнакомца» и «Земли Санникова». Не раз на нем возникали коварные ловушки, в виде рассказов о наивных красноармейцах с вагонами учебников для детей голодающего Поволжья.

В руки Мити попадала и серьезная литература. Чаще всего «взрослые» произведения благополучно возвращались на книжные полки: как, например, это случилось с «Опытами академика Павлова в свете марксистско-ленинского учения в трех томах». Но иногда случались противоестественные открытия.

Митя никак не мог забыть истории сестры несчастного Ашера и все думал, почему Ашер не оставил дверь склепа открытой. Девушка в развевающемся на сквоз-

няка погребальном саване как живая стояла перед его глазами. Она словно умоляла помочь. Или вот Нелли из «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Зачем рассказчику понадобилось доводить влюбленную в него героиню до психического истощения и смерти? Только для того, чтобы вывести на чистую воду ее отца-мерзавца?

Первая догадка забрезжила после прочтения романа о певице, которая вышла замуж за владельца таинственного замка в Карпатах.

По началу веселый молодой человек делается все сумрачнее, а потом внезапно умирает. Его погребают в фамильном склепе, но несчастной вдове кажется, что ее муж на самом деле жив. Каждую ночь она слышит знакомые шаги в коридоре. Однажды, терзаемая сомнениями, женщина спускается в склеп и вдруг обнаруживает, что гроб пуст. Она чуть не сходит с ума, когда в одном из коридоров замка встречает своего супруга – живого и невредимого. Оказывается, что все предки молодого человека по мужской линии страдали летаргией.

В конце концов, Митя решил, что хотя усадьба Кошечевых совсем не напоминает сожженный сумасшедшей женой мистера Рочестера Торнфильд, легенда о призраке девушки должна объясняться чем-то вроде массового психоза, который не могли искоренить даже годы атеистической пропаганды.

* * *

Митя еле успел натянуть трико, как в сени вошли две женщины с баулами за плечами. Анна, зябко кутаясь в халат, вопросительно посмотрела на них.

– Здравствуй красавица, здравствуй хорошая! – воскликнула первая гостья – молодая, с тонким, загнутым книзу носом.

Платье марки «Совпаршив», смахивающее на украшенный рюшками мешок, шелковой ракетой взвилось из баула.

– Посмотри, какое платье! Как раз для тебя!

Анну чуть не стошнило.

– Спасибо, но я не собираюсь ничего покупать.

– А ты сперва погляди!

Перед глазами Мити засверкало, закрутилось: свитер с оленями, набор складных ножей, блок сигарет «Прима», пачка футболок, украшенных растрескавшимися, как лед на осенних лужах, наклейками.

Увидев, что крепость не сдается, цыганка спросила:

– У тебя что, мужа нет?

– Нет.

Сорочьи сверкнули глаза второй гостьи – немолодой, с толстым орлиным носом.

– Милая, хочешь, я тебе погадаю?

Анна не успела опомниться, как смуглые пальцы легли на ее ладонь.

– По руке видно, живешь одна...

Женщина не сразу сообразила, откуда цыганке стали известны подробности ее семейного положения. Она попыталась вырвать руку, но цыганка проявила завидную сообразительность. Завывающий, как ветер между металлическими гаражами, голос наполнил сени:

– Ой, вижу, большое несчастье тебя ждет! Но ты не горюй, красавица. Я слова знаю, которые любую беду отведут!

Анна недоверчиво покосилась на пугающе сосредоточенное лицо цыганки. Мысль о том, что та может оказаться права, парализовала мозг.

Весь обряд занял меньше минуты. Он заключался в том, что цыганка, повторяя одну и ту же фразу на

своим языке, несколько раз торопливо провела пальцем по руке Анны.

Все это время ее товарка простояла рядом, кусая губы от зависти. Впрочем, не прошло и получаса, как вернувшаяся со двора Зоя купила у нее платье и два свитера.

* * *

Вечером, когда сели пить чай, в дом вбежала подруга Зои, скотница Вера. Ее лицо пожелтело от злости, со лба крупными каплями струился пот.

– Воры! Цыганское отродье! – с порога закричала она.

После недолгих расспросов выяснилось, что кто-то увел ее телят. Явившаяся следом жена Макара, Тоня, сообщила, что видела огни в дальней лесопосадке, за ржаным полем. Это известие окончательно вывело Веру из себя.

– Зойка, где у тебя вилы?

– На сеновале стоят... – начала было Зоя, но тут же опомнилась. – Постой, ты Семену сказала?

– Скажешь ему... Я его с утра не видела, – отмахнулась Вера.

На усыпанном веснушками лице Тони возникло странное выражение.

– Слышите-ка, девочки, а мой Макар тоже куда-то запропастился.

Зоя переглянулась с подругами, вспомнив, что Альберт должен был вернуться из тракторной станции еще до вечера.

Встревожившись не на шутку, Зоя послала Тоню за почтальоном Герой и школьным учителем истории Иваном Петровичем. Ее конопатая подруга вернулась подозрительно быстро, запыхавшаяся, с ошеломитель-

ным известием о том, что в деревне остались одни старики, женщины и дети.

Митя сразу представил засевавший в лесопосадке табор. Огромный костер освещал вольготно расположившихся на траве цыган. Стройная девушка в карминном платье, высоко вскидывая руки со звенящими золотыми браслетами, кружилась на фоне костра. Какой-то бородач играл на гитаре. В глубине лесопосадки, словно на заднем плане старинной гравюры, чернели контуры похищенных телят.

Однако действительность смело и вместе с тем как-то причудливо опровергла эту фантазию.

* * *

Летняя ночь неслышно парила над землей. Яркий, будто выкованный из цинка, месяц струил призрачный свет на плоскую равнину.

Иван Петрович, страдая от жестокой качки, тяжело оперся о морщинистый ствол тополя. Когда в голове учителя наступило некоторое прояснение, и он, наконец, понял, где низ, а где верх, его глаза увидели, как со стороны деревни к лесопосадке приближается толпа вооруженных вилами и косами женщин. Иван Петрович суеверно перекрестился. Ему вдруг почудилось, что это вовсе не женщины, а восставшие пугачевцы. Впечатление оказалось настолько сильным, что, в какой-то момент, он ясно услышал ржание коней и свист казацких нагаек.

Изрыгнув пару стаканов чистой водки, Иван Петрович отошел в сторону и вдруг, в шипящем свете факелов, увидел возникшего перед ним самозванца в красном кафтане, обшитом галунами. На самозванце была высокая, надвинутая на сверкающие глаза, соболя шапка с золотыми кистями. Иван Петрович не-

вольно вздрогнул. Лицо самозванца показалось ему знакомо.

– Пьянь подзаборная! Сыч затюканный! – разразилась бранью Аделаида, толстозадая немолодая баба в красном халате. От быстрой ходьбы шерстяной платок на ее голове сбился, приняв очертания цилиндра, причудливо украшенного прилипшими соломинками. Схватив зятя за грудки, она принялась приводить его в чувство увесистыми оплеухами. Однако Иван Петрович только екал, выкрикивая одну и ту же странную фразу: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу».

После недолгих поисков нашлись другие мужчины. Семен, явившийся к концу банкета и поэтому протрезвевший первым, попытался улизнуть на четвереньках, но был пойман и жестоко избит.

Утром, выйдя из дома, Вера увидела расположившихся прямо у ворот телят. Виновники ночного переполоха меланхолично жевали жвачку, отмахиваясь хвостами от мух. Только тут Вера обратила внимание на болтавшиеся на концах их привязей вырванные из земли колышки.

Глава IV. За хлебом

Однажды, когда Митя сидел на бревне и от нечего делать выпускал кишки жукам солдатикам, из калитки соседнего дома вышла загорелая, по взрослому длинноногая девочка.

Увидев его, она остановилась и приветливо помахала рукой. Тут Митя узнал в девочке Аленону. Несмотря на то, что с их последней встречи прошло две недели, Мите показалось, что фигура Аленоны сильно изменилась, сделалась выше и, одновременно, круглее в бедрах, только лицо осталось прежним: чуть округлым, с вызывающе тонкими, просвечивающими на свету, крылышкам ноздрей и одинокой, еле различимой, веснушкой на левой щеке в виде двух капелек.

Он подошел к Аленоне, и они разговорились. Аленона сказала, что Анфиса отправила ее за хлебом в Утяево.

– Разве вы не печете хлеб сами? – удивился Митя.

– Это для Борьки, свиньи.

Митя подумал, что ослышался. В Уфе он видел, как мальчишки играли булкой в футбол, но такой ответ вряд ли мог придти ему в голову. Вот уже пару лет полки продуктовых магазинов катастрофически оскудевали. К талонам на мясо добавились талоны на сливочное масло. Чтобы заполнить пустоту прилавков, продавщицы воздвигали унылые фортификации из плавленых сырков и рыбных консервов.

– Для свиньи? – переспросил Митя.

Аленона кивнула.

– Мачеха откармливает Борьку для того, чтобы продать на мясо каким-то... как же она их называет...

А, вспомнила, гастролерам!

Митя понимающе покачал головой.

– Тебе, наверное, жалко...

– Кого?

– Борьку.

Аленона хохотнула.

– Да чего его жалеть, он же свинья!

И тут Митя сморозил очередную глупость.

– Так ты что, холодец любишь? Фу, он такой скользкий!

Видя, что Митя колеблется, Аленона сказала:

– Юрка сказал, что в Утяево лимонад продают.

Лучшего аргумента нельзя было придумать. Митя сбегал домой за деньгами, и они отправились в путь.

Перейдя мост, ребята сразу свернули налево. Это было глухое, но красивое место. Старые, дуплистые деревья не образовывали непроходимой чащи. Окруженные высокими кустами черной бузины, они служили приютом для дятлов и филинов. Местами деревья отступали, открывая широкие поляны, заросшие серебристо-оранжевой богородской травой, всевозможными кашками, донником, орляком и мышинным горошком.

Наконец ручей круто повернул на юг и, весело гремя по камням, устремился вперед. Вокруг простирались луга. Жаркий воздух стыл от гудения шмелей и оглушительного стрекотания кузнечиков. Безучастные ко всему ящерицы грелись на известняковых плитах. Слабый ветер легко раскачивал макушки траурно-фиолетового шалфея и кремове-розового тысячелистника.

Только склонившиеся под собственной тяжестью коло-ски вероники грациозно извивались словно змеи.

Вскоре луга сменились пастбищами, на которых не росло ничего, кроме невзрачного икотника. Однако рельеф местности вновь изменился. Дорогу путникам преградила речка Сикиязка. Над ней, на высоком глинистом берегу, словно вознесенные в воздух с помощью волшебства, цвели васильки и трепетно-пунцовые полевые гвоздики. Ручей почти под прямым углом вливался в Сикиязку, образуя длинную песчаную отмель.

Это место, несмотря на свой экзотический вид, нельзя было назвать необитаемым. На самом краю отмели стояла запряженная в телегу каурая лошадь с белым кругом вокруг правого глаза.

Ребята недолго оставались в неведении. Не прошло минуты, как навстречу им вышел похожий на помесь Карабаса-Барабаса с Дуремаром, то есть узколицый и при этом толстый, рыжебородый незнакомец в болотных сапогах и мешком за плечами. Подойдя к телеге, он высыпал в нее целую кучу мокрых кирпичей.

– Здорово молодежь! – поздоровался незнакомец.
– Далеко собрались?

– В Утяево, за хлебом, – сказала Аленона.

– Ну, прыгайте ко мне, подкину до асфальта.

Они проехали уже половину пути, когда Митя не выдержал и, показав на кирпичи, спросил:

– Дяденька, а откуда они в речке взялись?

– Наверное, кто-нибудь побросал.

Митя задумчиво потер виски.

– А это правда, что здесь вчера колхозная машина с кирпичами перевернулась?

Незнакомец, поведя широкой спиной, хмыкнул.

– Знаешь, что я тебе скажу, парень? Есть такая народная мудрость: «не спрашивай того, о чем не нужно спрашивать».

* * *

Когда телега скрылась за поворотом дороги, ребята свернули на обочину. Она густо заросла черноголовкой, с высокими, похожими на кивера оловянных солдатиков, малиновыми цветами.

Митя принялся расспрашивать Аленону про ее мачеху.

– Как-то раз отец по пьяни разрешил мне над Анфисой подшутить. Тогда я ей лягушку в банку с молоком подложила! Вот Анфиса взбеленилась... – призналась девочка, горделиво выпятив уже заметные под платьем груди.

В это время порыв свежего ветра натянул на ней платье, так, будто она только что побывала в воде. Митя замер с уже готовым сорваться с языка «ух ты!»

Между тем становилось все жарче и жарче. Сделавшийся вязким, как кисель, воздух дрожал над почерневшим асфальтом, хрустальными клубами, словно бесцветный дым, поднимаясь в выцветшее, сиренево-белое по краям, небо.

Аленона отбросила прилипшие к оливково-смолому лицу кончики черных волос и сказала:

– Хочешь пить? Пойдем, я знаю одно место.

Митю не нужно было упрашивать. Сбежав вниз по дорожной насыпи, ребята пересекли луг, заросший желтой пижмой, и углубились в березовую рощу. Чтобы спуститься к роднику, им пришлось сильно обжечься крапивой и перемазать ноги в земле.

Оставшийся до Утяево путь они прошли меньше чем за полчаса.

Еще издали Митя и Аленона увидели алюминиевую башню элеватора, сверкающую на солнце, как космический корабль. На самом въезде в деревню их приветствовали тракторная станция и, больше похожий на грязную лужу, пруд, по которому плавал птичий пух.

Магазин стоял в центре деревни, напротив памятника павшим в годы Отечественной Войны односельчанам. Если бы не табличка с надписью, памятник легко можно было принять за обнесенный оградой трансформатор.

На ступеньках закрытого на амбарный замок магазина сидел мальчуган в серых бриджах. Вытянув ноги, он развлекался тем, что с помощью выдвигаемой вперед верхней губы пытался удержать соломинку.

– Можете не ждать, – сказал мальчуган.

Такое заявление ничуть не смутило Аленону.

– Ты знаешь, где живет продавщица?

Мальчуган смерил девочку высокомерным взглядом.

– Сейчас уже без пяти четыре, а магазин работает до четырех. Читать умеешь?

– Тебе что, трудно ответить? – возмутился Митя.

– Не трудно, просто я свою тетю знаю.

Аленона понурилась. Митю охватило такое горячее желание чем-то ей помочь, что, поборов сомнения, он обещал мальчугану двадцать копеек, если тот постарается убедить тетю продать им хлеб.

Все это время, пока шли переговоры, Аленона смотрела на Митю широко распахнутыми, с золотистым проблеском ресниц, черными глазами. Было видно, что еще никто не шел ради нее на такие жертвы.

– Ладно, – сказал мальчуган. – Только деньги вперед.

Митя молча протянул требуемую сумму. Мальчуган сразу повеселел, и его голос принял участливую важность.

– Вы пока подождите.

Мальчуган отсутствовал подозрительно долго.

Становилось все жарче и жарче. Полдневный воздух осыпался невидимыми сотами.

Наконец Аленона не выдержала.

– Слушай, давай я сама схожу к продавщице?

Митя не успел ответить, как из-за угла улицы показалась высокая худая женщина в сером халате.

* * *

Внутри магазина царила атмосфера сумрачно-прохладного ожидания праздника. От разнообразия товаров у Мити разбегались глаза: трехлитровые банки с фруктовыми соками, темнокоричневые, пахнущие корицей, бруски хозяйственного мыла, связки блестящих клипс и массажных расчесок...

Аленона достала авоську.

– Дайте мне пять буханок черного хлеба.

– Черный закончился, – зевнула продавщица, опершись локтем на пузатую, как жаба, кассу. – Есть две буханки желтого, по восемнадцать.

Аленона принялась торопливо пересчитывать свои деньги.

– Что вам, молодой человек? – услышал Митя.

– Пять бутылок лимонада!

Митя испугался, что лимонад тоже закончился и поэтому чуть не взвыл от восторга, когда перед ним выстроилась заветная очередь из темно-коричневых бутылок с ярлычками-полумесяцами на горлышках.

– Черт, не хватает, – вдруг сказала Аленона.

– Сколько?

– Пять копеек.

Митя задумался, но не потому, что ему было жалко денег, а потому что было неудобно отказываться от лишней бутылки.

– Тетенька, – решил он, – я передумал. Заберите обратно одну бутылку.

Продавщица нахмурилась.

– Что же сразу не подумал? – Тут ее взгляд упал на притихшую от смущения Аленону. Губы продавщицы расплылись в мечтательной улыбке.

– Смотри, какой у тебя парень. Настоящий кавалер!

* * *

На обратном пути Митя и Аленона выпили весь лимонад и съели полторы буханки хлеба.

– Как ты думаешь, они – те люди, с которыми мы сегодня встречались, – видели призрак? – спросил Митя, когда ребята уже подходили к амбару на окраине Альгино.

– Не знаю, но тот дяденька с кирпичами показался мне очень странным, – призналась Аленона.

– И пацан в коротких брюках.

– И продавщица!

Вечером Митя и Аленона отправились в заросший мальвой и земляной грушей проулок. Аленона притащила с собой обернутый в газету номер «Бурды» и потрепанную книжечку «Квентина Дорварда».

Сначала ребята рассматривали фотографии, на которых красовались женщины в огромных шляпах и суживающихся книзу юбках.

– В таких точно в трамвай не залезешь! – сказал Митя.

Аленона задумчиво подергала торчавшее в мочке уха нитяное колечко.

– Я тоже хочу поскорее стать такой...

Митя удивленно уставился на нее.

– Какой? Старой?!

– Взрослой, – обиделась Аленона и тут же прибавила: – Мне так надоело жить с мачехой! Она только и умеет, что приказывать. Сама целыми днями ничего не делает, только папу пилит. Но это цветочки. Представляешь, однажды она хотела отобрать у меня мамин журнал!

Последние страницы «Бурды» были посвящены дизайну помещений и кулинарии. Изображенные на фотографиях апартаменты, ломившиеся от мебели и импортной бытовой техники, блюда, приготовленные из дефицитных продуктов, в один миг унесли ребят в волшебный, удивительный мир под названием «заграничная жизнь».

Отложив журнал, они принялись за иллюстрации к «Квентину Дорварду», заметив, что даже рыцарь в латах, сопровождающий прекрасную даму в остроконечном головном уборе, выглядит гораздо реалистичнее, чем вареный омар посыпанный свежим фенхелем.

Митя вообразил себя новым Дон Кихотом и, как был, в заплатанном трико, сандаликах и рубашке без верхней пуговицы, встал на колени перед Аленоной.

– Прекрасная донна Аленона... – начал он торжественным до пугающей неестественности голосом. – Разрешите мне... – Тут Митин взгляд уперся в белую полоску трусиков между ногами девочки и мальчик замолчал, не в силах произнести слова. Аленона, вспыхнув, торопливо поправила платье.

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей дамой сердца? – спросила она, закрываясь от свежее испеченного рыцаря книгой.

– Ну да, – пробормотал вконец растерявшийся Митя. Он никак не ожидал, что Аленона читала «Квентина Дорварда».

– Я... согласна.

Митя, шатаясь, встал на ноги. Хотя лицо Аленоны – смуглое, с большими черными глазами, маленьким курносым носом, меньше всего отвечало средневековому идеалу, в нем чувствовалась какая-то завораживающая сила. Митя не мог понять, насколько искренне и серьезно девочка говорит с ним.

Впечатление оказалось до того ярким, что Мите почудилось, что он видит перед собой испанку, смотрящую на него поверх усыпанного драгоценными камнями веера. Старое бревно превратилось в изящную резную скамейку, простенькое ситцевое платье в старинный наряд с лифом и огромным воротником, отороченным жемчужинами.

Однако подлинная картинка была не менее великолепной, чем та, которую нарисовало Митино воображение. Пронизанный медовым светом воздух, как живой, трепетал над ярко горящими крышами домов, молниями взбегал по прутьям телевизионных антенн; отдельные предметы тонули в золотистом мареве, и только высокий забор, опутанный розовато-зеленоватым вьюном и побегами желто-оранжевого раkitника, как бы вываливался из пейзажа.

Словно по волшебству в закатных лучах солнца возникла соседка Веры – Тулвика. Ей было за восемьдесят, но, как часто бывает в деревне, она передвигалась с не меньшим проворством, чем в молодости. Бесовски горели ее кошачьи, зелено-синие, с травяным отливом, глаза. Высохшее, сморщенное лицо напоминало моченую грушу. Тулвику считали колдуньей и боялись.

Старуха несла ведро лесной малины. За ее плечами торчал огромный, как верблюжий горб, мешок. Как все пожилые женщины, Тулвика была одета в марийское платье. Когда она шла, пришитые к подолу полоски из разноцветного атласа мельтешили яркими зигзагами.

Тулвика поравнялась с ребятами, и девочка предложила ей помочь донести ведро.

– Ой, спасибо! – воскликнула старуха. – Ты добрая, прямо как Кошечкина дочка!

– Вы про ту, которая на кладбище? – спросил Митя.

– Про нее самую, – оживилась Тулвика. – У нее отец добрый был, не то, что нынешний предколхоза. Такого разве обманешь? Первый вор в районе! А Кошечкин что? Как уйдет – мужики побросают косы и сядут обедать.

Вот как-то раз пришли два мальчонка из дальней деревни. Худющие, в разорванных лаптях. Работу, значит, просят им дать какую-нибудь. Кошечкин руками разводит. «Да у меня мужики в убыток трудятся. От вас какой толк будет?» А рядом с Кошечкиным стоит его дочка. И так ей жалко мальчонок стало, что она сказала: «Пускай сделают сколько смогут, а ты им, папа, как взрослым заплати!» Ну а мальчонки в долгу не остались. Скосили сена, сколько мужики за пол дня не скашивали.

Теперь, сынок, ты бы помог мне.

Митя не успел опомниться, как что-то тяжелое пригнуло его к земле.

– Пошел, пошел! – вдруг закричала Тулвика громким, каркающим голосом, для верности хлестнув мальчика лихо подобранной с земли хворостиной.

Кое-как, подбадриваемый присутствием Алены, Митя дотащил мешок до ворот старухино дома. С некоторой опаской он зашел на заросший густой тра-

вой двор. Все хозяйство Тулвики составляла похожая на мазанку изба и дощатый сарай, возле которого паслась тощая коза.

Старуха взяла мешок у Мити и высыпала его содержимое на землю. Большие, будто человеческие головы, корнеплоды кормовой свеклы с грохотом покатались в разные стороны. Аленона, не дожидаясь Тулвики, принялась собирать их.

После этого старуха отвела ребят в избу, чтобы угостить твердыми, как камень, пряниками.

Глава V. Рыбаки и плотники

В воскресенье Митя отправился на рыбалку. Для этого ему пришлось позаимствовать у Альберта два крючка и моток лески. Все остальное – поплавок из гусяного пера, грузило и удочка – было изготовлено своими силами. Утро выдалось жаркое. Огромные, словно куски сахарной ваты, облака рассекали бледные, сиренево-розоватые просветы. Временами они расступались, и выглядывало белое, с глянцевой желтизной по краям, июльское солнце.

Сперва Митя выбрал маленькое озерцо под дорожной насыпью. Оно находилось в низине. Слабый ветерок мелкой чешуйчатой рябью пробегал по воде. Митя расположился на небольшом мыске и, нацепив на крючок фиолетового червя, закинул удочку. Грузило коротко булькнуло, и воцарилась тишина, которую нарушал только шелест осоки на пологом берегу.

Вглядываясь в рябь, то темную, то светлую, в защищенные мыском, гладкие как зеркало участки озера, на которых, будто дворники на стекле автомобиля, сновали водомерки, Митя вдруг подумал о том, что до сих пор почти ничего не знает об Аленоне. Он почувствовал себя последним простофилей: наверняка на оборотной стороне открытки было написано имя ее лучшей подружки. Впрочем, у Аленоны, как у любой девочки, должен быть свой альбом или песенник...

Митя так размечтался, что не заметил, как гусиное перо ушло под воду. Вскочив на ноги, он потянул леску к берегу, а потом, в самый последний момент, сделал подсечку.

Зеленый, с красными плавниками, ерш запрыгал по траве. Митя с раздражением швырнул улов в озеро и насадил нового червяка.

Во второй раз ему повезло гораздо больше. Импровизированный поплавок мягко ушел в желтоватую толщу воды. Сдерживая нетерпение, Митя стал медленно тянуть леску. На этот раз его добычей стал молодой, в полторы ладони, карп.

До сих пор лениво сгущавшиеся над озером облака начали сливаться, темнеть. Ветер усилился. Рыба словно сошла с ума: Митя только успевал закидывать удочку. Пескари, окуни один за другим насаживались на крючок. Клев не прекратился даже тогда, когда первые капли упали в воду. Скоро капель стало так много, что озеро закипело: сквозь шум дождя было слышно, как лопаются пузыри.

Вернувшись домой, Митя с гордостью показал улов Альберту. Дядя, заглянув в полиэтиленовый пакет, воскликнул:

– Ого, да ты настоящий рыбак! Вот мы сейчас такую ушицу сварим!

Альберт тут же наточил воткнутый между бревнами и уже успевший покрыться пятнами ржавчины кривой нож. После этого он стал чистить рыбу. Не прошло пяти минут, как вода в тазике покрылась чешуей и бестолково плавающими по ней, будто резиновые лодки, рыбьими пузырями.

Промыв рыбу, Альберт достал пару крупных луковиц и отправился с котелком в летнюю кухню.

Митя поспешил как можно скорее вылить содержимое таза, чтобы не пропустить захватывающего зрелища. Сначала Альберт наколот дров и, не дожидаясь пока разгорится пламя, поставил воду кипятиться.

В ожидании решающего момента, он принялся рассказывать о том, как раньше ловили рыбу.

– Это сейчас, когда работы в колхозе нет, можно с утрачка пойти, или днем. А при дедах только как солнце сядет. Брали большие лодки, сети из конопляных веревок и отчаливали. Вода – как зеркало, фонари... думаешь электрические? Какой там! Керосин почему зря не жгли. Готовили коряги, смолили, вроде факелов, и засовывали в железные решетки. Смола капает, шипит, а мужикам хоть бы хны, – тянут сеть с одной лодки на другую, и вот так – всю реку проходили. Сейчас от нее только ручей остался, а все потому, что вокруг усадьбы леса повырубали, земля высохла. Был Каран, стал срам.

Когда вода закипела, Альберт с величайшей важностью опустил рыбу в котелок, неизвестно когда очищенную картошку, пару ложек желтой пшеничной крупы, разрезанные на половинки луковицы, перец и лавровый лист. Прикрыв крышку, он начал радостно потирать руки.

– Растравил ты меня, Митек! Завтра с дядей Макаром бреднем будем ловить. Ел когда-нибудь сушеного линя? У него хребет такой, весь в масле, берешь в рот, а он прямо на языке тает. Только смотри, чтобы утром как штык, второй раз будить не буду.

В это время крышка чуть приподнялась, и из-под нее повалил густой пар. Альберт снял со стены длинную деревянную ложку и принялся снимать пену. Митя смотрел во все глаза на разливавшийся желтизной бу-

льон. Альберт захватил картофелину и, хорошенько подув на нее, отправил в рот.

– Сварилась! Теперь самое время для вкуса водочки плеснуть!

Альберт не соврал: уха вышла на славу. Даже Зоя не стала ругаться, когда он велел поставить на стол бутылку смородиновой наливки.

Вечером пришли Макар с Тоней. Мужчины принялись чинить сплетенную из капроновой нити сеть, а женщины стряпать вареники. Совершенно одуревший от счастья, Митя сел рядом с Альбертом, уставившись на его жилистые, казалось, совсем непригодные для тонкой работы, руки, слушая бесконечные рассказы о подкормке, ловле на хлебный мякиш и пионерских браконьерах.

Когда ужин был готов, женщины выложили вареники в большое эмалированное блюдо. Мужчины, приняв по сто грамм, вооружились вилками. Чтобы лишний раз не тянуться к блюду, они протыкали по три-четыре больших вареника, обмакивали их в чашку со сметаной и частями пережевывали. При этом Альберт и Макар так часто прикладывались к граненым стаканам, что невозможно было понять, что они делают: пьют, едят или закусывают.

* * *

Митя проснулся задолго до назначенного времени. Некоторое время он лежал в постели, прислушиваясь к скрипению половиц и сочному мужскому шепоту. Наконец – решительно откинул одеяло и встал на ноги. Альберт, уже одетый в старый вязаный свитер и побелевшую от дождей ветровку, одобрительно кивнул.

– Молодец, что встал. А сейчас, чтобы по-солдатски, быстро.

Когда рыбаки вышли на улицу, Мите показалось, что они очутились на морском дне. Соседние дома, деревья, будто стертые ластиком, исчезли в густом тумане, и только две исполинские березы в саду Макара выступали неясными, словно горы на горизонте, горами.

Озеро, почти в пять раз больше того, на котором был Митя, встретило рыбаков прозрачной тишиной. Оно находилось чуть в стороне, в начале тянувшегося к усадьбе оврага.

Мужчины разделись и, натянув бредень, стали с разных сторон заходить в воду. Митя остался на берегу, вслушиваясь в легкий, как перезвон серебряных колокольчиков, плеск раздвигаемой человеческими телами воды.

Пройдя озеро до половины, рыбаки повернули к болотистому левому берегу, потом двинулись назад. Когда сеть показалась из воды, Митя увидел застрявшую в ячейках рыбу. Мокрая чешуя вспыхивала продолговатыми бликами, подобно огням на витринах магазинов. Однако Альберт оказался недоволен.

– Кошке на завтрак!

Макар, подернув квадратными плечами, покосился на Митю.

– А ты пока костер разведи.

– Это дело. Заодно обсохнем, – сказал Альберт.

Когда разгорелся огонь, на счету мужчин был с десяток крупных карпов, язей, линей, две щуки и один, неизвестно как угодивший в эту компанию, средних размеров сом.

Пока рыбаки завтракали хлебом и посыпанными крупной солью пупырчатыми огурцами, туман рассеялся и выглянуло жаркое спросонья солнце. Облитые росой

круглые холмы засверкали яркой, будто на картинке детского журнала, зеленью. В это время из-за кривых елок показался Гера с зажатым в правой руке кнутом.

Как положено вдовцу, почтальон всегда ходил тепленьким. Получая зарплату, он уже видел выстроившиеся ровными рядами мутные емкости в ивовых корзинах. Дошло до того, что, разнося корреспонденцию, он несколько раз по ошибке забрался в пределы другого сельсовета, а однажды даже дважды пересек границу района.

Подивившись богатому улову, Гера принялся рассказывать о том, как однажды, прямо у него на глазах, сом утащил быка. Митя инстинктивно отшатнулся от мешка с рыбой, но Альберт только расхохотался.

– Заливаешь, братец.

Гера задумчиво почесал в затылке.

– Ну, может не быка, а теленка. Я далеко стоял, не разглядел толком.

– С пьяных глаз еще не то увидишь, – буркнул Макар.

Почтальон хлопнул себя по лбу.

– Теленка не теленка... Но точно что-то такое было. Плеснуло, а потом смотрю – ничего, только круги по воде.

Макар усмехнулся и, подмигнув Альберту, сказал:

– Слышь, Петровича нет. Он бы сейчас наплел про Ямшинера. Загнул бы какую-нибудь пословицу. Типа поссышь в воде, так у тебя на члене чирей выскочит.

– А кто такой Ямшiner? – спросил Митя.

– Черт вроде, – махнул рукой Макар. – Раньше марийцы всего боялись, вот и навывдумывали. Только я про чертей мало знаю. Попроси дядю Геру. Он тебе расскажет.

Гера выставил грудь колесом.

– Рассказать? Это пожалуйста. Вот жил когда-то великан по имени Немда. Умирая, он велел людям разбудить его, как только нагрянет настоящая беда. Каждый раз, когда нападали враги, Немда верхом на коне выезжал из горы. Но вот однажды дети, играя в войнушку, трижды вызвали его понапрасну. Немда сказал, что больше не будет откликаться на зов и заснул навсегда...

– Так вы ничего не знаете про Ямшинера? – перебил его Митя.

Гера, поняв, что мухлеж не удался, наморщил лоб.

– Про Ям... – Некоторое время он глупо таращился на озеро, выдавая бесполезные как прошлогодний снег сведения о росте потребления воды на душу населения:

– Так, значит, в 1913 году житель Российской империи потреблял 780 литров воды, в 1975 году этот показатель вырос до 4 тысяч литров...

Наконец его осенило.

– А, вспомнил. Как-то мы с прежним предколхоза сидели, а он возьми мне и скажи: «Знаешь, мой отец Салий сказочником был. К нему в 38 году академики приезжали. Ну, так вот...

Последовал рассказ о том, как девушке с индейским прозвищем Серебряные Губы удалось убежать от Ямшинера, а потом от зятя охотника.

– Так он что, их застрелил? – спросил Митя, когда Гера сказал о том, что зять Серебряных Губ вернулся из леса, весь увешанный звериными шкурками.

– Кого? – не понял почтальон.

– Ну, зайца и лису, которые помогали Серебряным Губам?

Гера пожал плечами.

– Наверное, он же не знал, что они добрые.

– А это правда, что вы видели призрак дочери Кошечеева? – неожиданно спросил Митя.

Стало так тихо, что мальчик услышал, как скребутся жучки в траве и далеко, на берегу ручья, женщины бьют валиками мокрое белье.

– Видел. Причем, не только я один. Спроси любого в Альгино или Сатурнеево. Я уж молчу про пионерских.

Альберт кивнул Макару, чтобы тот подержал мешок с рыбой, пока он будет его завязывать. Альберт так сильно дернул концы веревки, что было слышно, как хрустнула холстина.

– Будет тебе пацана пугать. И так без того сейчас молодежи голову дурят. А ты тут со своими бабскими россказнями.

– В тот день ни капли в рот не брал, Христом Богом клянусь! А она, девчонка, как живая в окне. Смотрит – прямо на меня.

Хотя Мите ужасно хотелось спросить Геру о подробностях, но Альберт и Макар явно не были настроены говорить на эту тему.

Печально вздохнув, Гера достал из распухшего, будто осиное гнездо, кармана куртки два пестрых яйца.

– Как говорят, не хлебом единым.

Макар отказался от угощения. Альберт взял одно яйцо, тюкнул его костяшкой пальца и, очистив макушку, выпил.

От удивления у Мити пересохло во рту. Мать всегда говорила, что яйца должны быть тщательно сваренными. А тут, выходит, их можно есть сырыми.

Альберт протянул Мите второе яйцо.

– А я не заболею сальмонеллёзом? – спросил мальчик.

– Сам ты сальмонеллёз! Это же деревенское.

Митя набрался смелости и в два глотка выпил яйцо. Что-то непривычно холодноватое, необработанное коснулось нёба и почти сразу, сделавшись густым, шоколадным, устремилось в желудок.

Вдохновленный красноречием Геры, Альберт расщедрился на рыбацкую байку:

– Раньше, говорят, так получилось, что щука всю рыбу съела. Остался только один маленький карасик. Вот стал он от щуки улепетывать. И такую муть зараза поднял, что щука налетела на корягу и разбила себе зубы.

С тех пор рыба как щуку завидит, муть подымает.

Пример Альберта оказался заразительным.

– Эх, была не была! – воскликнул Макар. – Кажись, припоминаю что-то такое. Вот, значит, мужик с женой работали в поле. Сели обедать. Вдруг слышат чей-то голос. Пересрались конечно. Быстренько манатки собрали и – стрекача. Пробежали сколько-то... а ребенка нет. Возвратились, забрали. Снова деру. Мужик полез за пояс: топор, оставил, твою мать! Хотел вернуться, тут вдруг гул пошел, и на поле опустилось водяное облако. Типа Ямшинер переселяется на новое место.

На следующий день муж с женой приходят, а вместо поля – озеро.

* * *

Когда костер догорел, к рыбакам подошел старик в тубетейке. Размахивая куском джинсовой брючины, он начал жаловаться на то, что прошлой ночью ему сломали забор. Судя по вещественной улике, это было дело рук старшего брата Юры – Валерки.

После долгих препирательств Макар обещал Мураду, так звали старика, поправить забор. Мурад расчувствовался и тут же обратил внимание на Митю.

Путая татарские, марийские и русские слова, он стал расспрашивать мальчика о том, как сейчас живет в городе. Митя отвечал неохотно, невпопад, но Мурад только ласково качал головой и щурился.

Потом приехал учетчик на мотоцикле с коляской и предложил отвезти рыбу в Альгино.

Не прошло двух часов, как вся компания, за исключением Геры, расположилась в саду Макаровского дома, в кружевной тени исполинских берез.

Положенные на козлы доски трещали под тяжестью тарелок и бутылей. Альберт, абсолютно трезвый, несмотря на количество выпитого спиртного, произносил тост за тостом. Зоя и Тоня, пунцовые от кухонного чада, в одинаковых синих платьях, разносили уху и щу-чьи рулеты.

Когда гости почти насытились, женщины принесли железное блюдо с вареным сомом. Посыпанный свежей зеленью, обложенный мелкими помидорами, солеными огурцами, морковью, листьями свеклы, он был похож на цветочную клумбу. Розовато-янтарное сомовье мясо, только по недоразумению названное рыбьим, привело Мурада в такой восторг, что он тут же отказался от помощи в починке забора. Однако, несмотря на протесты женщин, мужчины настояли на том, чтобы немедленно отправиться в Ильдусово. Митя загрустил: ему очень хотелось побывать в соседней деревне. В этот момент Зоя отозвала мальчика в сторону.

– Поезжай с дядей Альбертом, – сказала она и так ласково посмотрела на Митю, что тот чуть не подпрыгнул от радости.

Кое-как разместившись на мотоцикле, компания тронулась в путь. Митя успел несколько раз раскаяться в своем любопытстве. Хотя ему досталось самое

лучшее место, сразу за водителем, он никак не мог отделаться от ощущения, что еще немного, и они разобьются. Учетчик гнал как бешенный. Дорога шла сама собой, то справа, то слева, а иногда так далеко в стороне, что совсем исчезала из вида. Непонятно за что державшиеся Макар и Альберт, перекрикивая друг друга и таракание мотора, горланили татарские песни. Мурад, по всей видимости не имея никакого представления о том на чем, куда и зачем едет, сидел в коляске, одной рукой придерживая нахлобученную поверх оранжевого шлема тубетейку.

Наконец подкатили к дому Мурада. Поваленный забор, словно гигантская гладильная доска, лежал на траве, открывая внутренность старого, заросшего кривыми яблонями, акацией, кустами сирени и еще, чем-то таким же малоценным, сада.

Митя тут же позабыл недавние страхи. Соскочив с мотоцикла, он стал с любопытством осматриваться. Ильдусово ничем не отличалось от Альгино, разве что было больше. Только один раз, словно для того, чтобы подчеркнуть национальный колорит, мимо прошла молодая женщина в длинном, почти до пят, платье из-под которого непривычно семафорили шафрановые штанишки.

Оставив Мурада в коляске, мужчины принялись поднимать забор. Однако учетчик и Макар явно недооценили свои силы. Забор жалобно заскрипел и, выгнувшись двуручной пилой, оглушительно треснул прямо посередине. Макар тут же набросился с бранью на учетчика.

Увидев, что дело пахнет кровопролитием, Альберт вклинился между мужчинами.

– Чего, раскудрить твою мать, не поделили?!

– А какого хрена он здесь стоял? – сказал Макар, тыча пальцем мимо побуревшего от злости учетчика. – Я ему человеческим языком сказал: иди, подопри.

Губы учетчика, выражая крайнюю степень презрения, стали вровень с мочками ушей.

– Мой пацан трехлетний громче пукает!

– Да я тебя...

Альберт достал пачку болгарских сигарет с фильтром.

– Ну, будет мужики. Перекур.

Когда Мурад наконец очнулся, его глазам представило нечто новое. Забор стоял как раньше, но теперь в нем появилась калитка.

Старик возмутился.

– Зачем мне калитка?

– А ты ее, кому попало, не открывай! – отмахнулся Макар.

Однако Мурада не так легко было успокоить.

– Теперь ко мне пионерские будут ходить за яблоками.

Мужчинам, проклиная строптивость старика, пришлось потратить еще полтора часа, чтобы заделать калитку. Это окончательно их протрезвило.

Чтобы реабилитироваться в глазах общества, Мурад вручил гостям две бутылки самогона и кусок конской колбасы с чесноком.

Глава VI. Мельник

Митя как раз закончил с поливкой огурцов, когда к его ногам упала свернутая в трубку записка. Он сразу узнал округлый почерк Аленоны:

Жду тебя сегодня за лавкой.

Магазин, или лавка, как говорили в Альгино, представлял собой обычную избу с высоким крыльцом. Сразу за ним тянулся обширный пустырь, на котором не росло ничего, кроме мелкой травки.

Смех Аленоны – звонкий, но, вместе с тем, уже не по-детски грудной – застал Митю врасплох. Ему еще никогда не приходилось видеть, чтобы Аленона играла с подружками. А тут она была в настоящей компании деревенских девчонок от одиннадцати до двенадцати лет. Самая младшая, черноволосая и темная, как покрышка, Снежана, лепила пироги из глины; белокурые, в гипюровых белых передниках, сестры-близнецы Лена и Инна разливали остывший чай из термоса по фарфоровым чашкам. Аленона сидела на бревне и весело болтала с Леной, явно испытывая терпение Инны.

Когда Митя подошел, до его слуха ясно донесся обрывок фразы:

–... Нет, я уже слишком большая для домика.

Митя попытался улизнуть, но Снежана уже заметила его.

Напрасно Митя бросал умоляющие взгляды на Аленону. Девочка от души хохотала, наблюдая за тем, как Лена и Инна наперебой пытаются накормить его слипшимися на солнце «Ласточками» и «Гусиными лапками».

Наконец чаепитие закончилось и сестрам-близнецам пришло в голову заняться приготовлением супа.

– На чем мы его греть будем, у нас же нет газовой плиты? – сказала Лена.

Митя вдруг почувствовал интерес к девчачьей игре. Из обнаруженных в лопухах деревяшек, проволоки и картонной коробки, он сконструировал нечто похожее на настоящую плиту. Позабыв о подростковой чопорности, Аленона чуть не с головой залезла в коробку, чтобы поставить Снежанин пирог в «духовку». Для этого ей невольно пришлось выпятить свой задик, похожий на две аппетитные дыньки. Митя застыл с широко открытыми глазами и тут же услышал злой шепот Инны: «Корова!»

Подобный комментарий, конечно, не мог остаться без ответа.

– А ты коза!

После последовавшей за тем короткой, но бурной словесной перепалки, Аленона обратилась к Мите:

– Ты со мной?

– Куда?

– В Сатурнеево, к Наде.

Митя пожал плечами.

– А кто такая Надя?

– Моя подружка.

Мальчик радостно кивнул. Лена и Инна, задрав бледные как поганки носы, презрительно отвернулись.

* * *

Надя оказалась такой же стремительной, непосредственной, как и Аленона. Увидев подругу, она выбежала на улицу и бросилась ей на шею.

– Я так соскучилась по тебе! – воскликнула Надя и тут же, отстранившись, вопросительно посмотрела на Митю.

– Митя. Он из Уфы, – представила Аленона своего спутника.

На лице Нади вспыхнул и тут же погас минутный интерес. Впрочем, Митя проявил не больше любопытства. Надя ничем не отличалась от других девочек. Черненькая, худощавая, в облегающих узкие бедра коричневых трико, она могла сойти за мальчика.

– Прокатимся до мельницы? – предложила Надя.
– Брат как раз свой велик оставил.

Глаза Аленоны заблестели, как асфальт после дождя.

– Конечно! Может дядя Федор нам свистульки сделает.

Надя выкатила на улицу два черных «Урала». Один из них, принадлежащий Радию, был так щедро украшен катафотами, что напоминал колесницу индийского раджи.

Аленона бросила вопросительный взгляд на Митю.

– Подвезешь меня на раме? Только смотри, предупреждаю, я не такая легкая, как Надька.

Чтобы не показать себя слабаком перед девочкой, Митя, не раздумывая, согласился.

Ребята доехали до маленького озера, а потом повернули направо. Аленона, держа ноги на весу, чтобы не

задеть за спицы, визжала, когда Митя, налегая на педали, прижимал ее к рулю. Маячившая впереди Надя, то и дело ревниво оборачивалась. Иногда она останавливалась и нетерпеливо поджидала друзей, выставив вперед загорелую ногу с закатанным до колен трико.

Дорога, ведущая на восток, шла высоким берегом озера, по кромке ячменного поля. Легкий ветер пробегал по верхушкам шуршащих, как бумага, колосьев. Временами из зеленых островков сорняка выпархивали белогрудые птички.

Когда путь пересек широкий скошенный луг, Митя нечаянно наехал на какого-то пестрого зверька. Он нажал на тормоз и застыл, не в силах пошевелиться от испуга.

– Что случилось? – спросила его Аленона.

– Кажется, я кого-то раздавил... Слышала писк? – пробормотал Митя.

Аленона посмотрела вперед и сплюнула.

– Суслик. Ты знаешь, что один грызун сжирает за зиму ведро зерна?

Мите пришлось вновь взяться за педали. Хотя довод Аленоны показался ему справедливым, он никак не мог отделаться от чувства брезгливости и старался нарочно не смотреть на рулевое колесо, оборвавшее жизнь безымянного расхитителя социалистической собственности.

Когда луг остался позади, дорога стала стремительно сходить на нет: в промежутках между колеями прорезались травы, сперва робко, тонкими волосками, как дети, выглядывающие в наполненную взрослыми гостями комнату, а потом, без всякого стеснения, пучками, переходя в острова, а то и целые архипелаги в репейнико-воцикориевом обрамлении.

Наконец путь ребятам преградила сплошная стена дикой малины и орешника. Спрятав велосипеды в кустах, троица двинулась через протоптанную между перистыми листьями орляка тропинку.

Продравшись вслед за Надей и Аленоной через цепкие заросли, Митя замер, не чувствуя зуда от крапивы и комариных укусов. Что-то сказочное, светлое, будто облако из снов, сверкало в просветах между ветками кустарника. Сделав еще несколько шагов, мальчик очутился на вершине высокого холма, под которым простиралась голубовато-желтоватая низина. Словно брошенный с высокой лестницы ковер, она катилась до самой Белой, к Бирску. Вглядевшись в правый берег, Митя увидел маленькие, как игрушечные, кирпичные домики, мощенные светлым песчаником улицы, яблоневые сады, широкий, закатанный в асфальт, спуск к паромной переправе, округлый как яйцо Воскресенский Собор. Белый, с колокольней, он напоминал айсберг, занесенный в тропические воды.

Прямо по центру низины проходила высокая дамба. Огибая берег, она резко поворачивала на северо-запад, упираясь в ворота какого-то сельскохозяйственного предприятия с невысокими железными воротами и, выкрашенной в темнокрасный цвет, трубой.

Когда ребята свернули с тропинки, местность неузнаваемо изменилась. Равнина, дамба, завод – исчезли, как будто их никогда не было. Вокруг выросли старые кряжистые ивы. Разделенные большими просветами, на которых рос пышный, картинно-зеленый мох, они напоминали наполовину занесенные песком сваи старого причала.

Мельница материализовалась в форме почерневшей от времени, высокой как терем избы со сложным

из речных камней основанием. Все, что осталось от запруды, был глубокий, извилистый, будто след червя, овраг, на дне которого росла крапива.

Открылась дверь, и навстречу ребятам вышел мужчина в зеленом пиджаке и дырявых сапогах. Широкая, подобно коромыслу, улыбка осветила его лицо.

– Здравствуйте, дядя Федор! – в один голос воскликнули девочки.

* * *

В избе не было ничего, кроме стола, пары стульев и холодильника, набитого старыми железяками. Все остальное пространство было занято мешками, накрытыми полиэтиленовой пленкой.

– Вы и вправду настоящий мельник? – спросил Митя.

– Вправду, – кивнул Федор. – Можно даже сказать потомственный. У меня дед при царе первую мельницу поставил. Не эту, конечно. Эту отец, при Хрущеве, после войны. Ну а потом, в 69-ом, мукомольный завод заработал.

Взгляд Мити переместился на мешки.

– А что это?

Мужчина нахмурился и произнес не менее загадочную фразу, чем оставшийся безымянным ловец кирпичей:

– Такой большой, а не знаешь. Два мешка государству, один – себе. Слыхал?

Федор достал из кармана куртки пригоршню игрушек. Все они были изготовлены из желудей, шишек, речных раковин, но так искусно, что захватывало дух.

– Вот этого, капитана Джека, я сделал сегодня во время обеденного перерыва! – похвастался он, показывая на уже оказавшуюся в руках Аленоны фигурку. – Только смотри, аккуратнее с трубкой, я ее лаком приклеил.

Ребята еще не успели рассмотреть всех поделок, как настроение Федора неожиданно испортилось.

– Три года мне мозги компостировал, мол, поступил в университет, учусь на юриста. – Я, старый, как дурак верил. Ходил, хвастался. Вот кто твой Васька? Тракторист. Кто твоя Нюрка? Повариха. А мой, Эрик? Без пяти минут начальник. Ну, так вот, однажды получаю письмо: «не серчай, батя, из университета выперли, устроился дворником, женился. Теперь жду прибавления семейства». Вот так. Даже имени ее не написал. А, впрочем, через два года сам прискакал с повинной.

Как, – спрашиваю, – сынок, дела? Хреново, – отвечает. – Ни в какой университет я не поступал, все по кабакам шастал. Потом, когда уже денег ни шиша не стало, познакомился с одной, Розиной, из ансамбля. Красивая, просто мороз по коже! Кудри до плеч, змейками, глаза большущие как фары. А поет... Заслушаешься, не поймешь: живая женщина или пластинка! Эх, была не была, думаю. Показал ей пару фокусов: ты же знаешь, батяня, у меня с детства талант, всякие штуки с посудой выкидывать. Розина в осадок выпала, сразу к директору потащила, велела повторить. Директор посмотрел, хлопал, но потом чувствую, – уперся как бык: у нас не цирк, а образцовое социалистическое заведение. Тогда Розина ему такую истерику закатила, что он махнул рукой. Короче, сделали из меня официанта.

А потом все пошло наперекосяк. Не успел я опомниться – расписались. Переехали к ее родителям в Зеленую Рощу. Как увидел их – обмер. Что папаша, что мамаша – лыдые. У мамыши, естественно, парик. Тут бы мне очухаться, стрекача дать. Да куда там! Пропал казак, влюбился! Через год Розина родила сына Владика. Я чуть не кипятком в потолок, от радости, понимаешь. А потом

смотрю, что-то не то. Волосики на голове повыпадали. Ну, мы к врачихе. Она только глянула в медкарту, так сразу и сказала, что это наследственное, проявляется через поколение. Тут только до меня доперло. Если бы не Владик, я бы эту змею там же в коридоре прибил. Розина, конечно, стала оправдываться, мол, все могло обойтись, что так уже с одной ее теткой было, говорили, что дети облысеют, но ничего, не облысели. Ладно, понял, простил.

Когда Владiku исполнился год, врачиха сказала, что его нужно отправить в специальный санаторий. Я, конечно, только «за». Потом, был, кажется, четверг, тринадцатое. Приезжаю без предупреждения, ну, чтобы сделать сюрприз, а дверь мне открывает какой-то мужик... После этого я ей сказал: «Давай расстанемся похорошему. Хочешь алименты, будут тебе алименты». Развелись. Однако как начали у меня из зарплаты высчитывать, — смотрю, что работаю, что нет. Ну и уволился.

Вот, сижу, значит, один, без денег, на съемной квартире — завтра уезжать. И вдруг звонок. Открываю, на пороге стоит Розина, плачет, просит простить ее. А мне хочется только одного, чтобы она поскорее ушла и больше не возвращалась. Открываю рот, а Розина вдруг сует мне в руки какую-то вещь и убегает. Когда я очутился, то увидел, что это был мой свадебный подарок: шкатулка с янтарным набором украшений — ожерелье, серьги и всякое такое.

Очевидно, что эта история давно и во всех подробностях была известна девочкам. Но Митя выслушал ее с любопытством.

— А что с Эриком, то есть вашим сыном, стало? — спросил он.

Глаза Федора сверкнули желтым огнем, а потом потухли.

– Повесился на подтяжках. Отца не пожалел. И все из-за чего? Из-за пустяка, из-за того, что кто-то по пьяни назвал его Эриком Лысым.

Все время пока Федор рассказывал, Надя хмурилась и, тайком от Аленоны, грызла ногти. Выждав необходимую паузу, она спросила:

– Можно мы поиграем с украшениями?

Федор с благоговеньем достал из ящика стола шкатулку из карельской березы.

– Смотрите, не потеряйте. Это все, что осталось от Эрика.

Выйдя наружу, ребята расположились на круглой лужайке вокруг исполинского дуба. Синее небо, вкрапленное в просветы в кроне, казалось нарисованным. Время от времени налетал легкий ветерок и, словно струны арфы, перебирал траву. Листья на дубе пружинисто колебались, вспыхивая светло-зелеными пластинами.

Надя открыла шкатулку.

– Чур, я беру ожерелье.

– А я серьги.

Аленона повернула голову, так, чтобы Мите было все видно. Желтовато-зеленоватые серьги приятно сочетались с природным цветом Аленониной кожи.

– Ну, как?

Митя облизнул ставшие внезапно сухими губы и, сам не зная почему, вдруг быстро поцеловал девочку в шею. Аленона улыбнулась.

– Значит здорово.

Надя наградила Митю недоверчивым, холодно-отчужденным, взглядом, но ничего не сказала.

Слазив в заросли орляка под дубом, она вернулась с целой пригоршней еще зеленых, свежо пахнущих, желудей и огромной, больше ладони, мертвой стрекозой.

* * *

Федор сидел за столом и, нацепив на нос очки в круглой оправе, листал листки новенького отрывного календаря за 1989 год. Мите показалось, что перед ним сидит настоящий мельник в широких холщовых штанах, подпоясанных лыком. Комната преобразилась: на столе пыхтел круглый, с медным отливом, самовар, пламя свечи плясало на серебристо-сероватых бревнах сруба, из приоткрытого окошка явственно слышался шум низвергающейся на лопасти мельничного колеса воды и дивно переливчатый, как звон серебряных колокольчиков, смех русалок...

Вдруг снаружи донесся шум мотора. Федор быстро спрятал шкатулку и сказал:

– Живо на чердак! И смотрите, чтобы ни звука!

Наверху оказалось пыльно и темно. Припав к щели в потолке, ребята стали наблюдать за тем, что будет дальше. Открылась дверь, и в комнату, скрипя сапогами, вошел высокий мужчина.

– Приготовил? – спросил он свирепым голосом.

– Конечно, все как просили.

Мужчина подошел к укрытым клеенкой мешкам.

– Покажи!

Убедившись, что мешки на месте, он кивнул.

– Высший сорт?

– Обижаете.

– Что по накладным?

– Первый.

– Отлично! Так, теперь надо прикинуть...

Дважды пересчитав мешки, незнакомец вышел.

* * *

Когда за окном мельницы стали сгущаться сумерки, Митя почувствовал, как его начинает неудержимо тянуть домой.

– Нам пора! – сказала Надя, но Аленона неожиданно умоляюще посмотрела на Федора.

– Еще одну какую-нибудь историю.

– Например, о призраке девушки, – предложил Митя. Федор сделал равнодушное лицо.

– Глупости все это. Жизнь похитрее всяких религиозных выдумок будет. Вы когда-нибудь слышали про разбойников?

– Нет! – в один голос воскликнули ребята.

– Ну, так вот. Жил один человек по имени Эрге. У него были жена, дочь и малолетний сын. Однажды, в полночь, к Эрге постучались какие-то люди. Он принял их с гостеприимством, посадил за стол, велел жене и дочери принести вина. Однако Эрге не знал, что это были разбойники.

Как только хозяин опьянел, разбойники связали его и бросили во дворе, в летней кухне. Жена и дочь Эрге сели пировать с разбойниками. Потом первая легла с атаманом, а вторая с его одиннадцатью товарищами.

Через какое-то время разбойники снова захотели есть. Они велели женщинам сварить что-нибудь. Когда дочь пришла в кухню, Эрге стал просить ее развязать ему руки, но она сказала: «Так тебе и надо!» Тогда сын Эрге дождался, пока разбойники не сядут за стол, и тайком пробрался в кухню. Он попытался развязать руки отцу, но у него ничего не получилось. Эрге сказал ему: «Нагреби под веревку золы с горячими углями». Как только мальчик нагреб золы, Эрге положил руки на

угли и освободился. После этого он велел сыну принести его охотничий лук. Спрятав оружие за печкой, Эрге спокойно заснул.

Утром пришел атаман и сказал: «Знаешь, что мне приснилось? Что сегодня ты умрешь!» Эрге только пожал плечами, будет что будет. Это удивило атамана, и он спросил: «Что такое приснилось тебе, что ты не боишься смерти?» – «Мне приснилось вот что, – ответил Эрге, – я пошел в лес поохотиться и увидел большую березу, на которой сидели двенадцать тетеревов: один белый и одиннадцать черных. Тогда я взял лук и сразу подстрелил белого тетерева, а затем – черных».

С этими словами Эрге схватил лук и прикончил атамана стрелой. При этом стрела пробила стену кухни и, влетев в окно дома, прошила спавших там одиннадцать разбойников. После этого Эрге расстрелял жену и дочь, забрал сына и отправился в горы.

Глаза Нади сузились словно кошачьи зрачки.

– Похоже на сказку.

– Сказка ложь да в ней намек, добрым молодцам урок! – сказал Федор.

Аленона повела своими тонкими, будто нарисованными, бровями.

– Я думаю, что это могло случиться на самом деле, только очень давно, в середине веков... – Тут она ойкнула. – Я совсем забыла про свистульки!

Ничего не говоря, Федор вытащил из нагрудного кармана заранее нарезанные, похожие на коричневые пальцы, ивовые стебельки. Ловко орудуя кончиком ножа, он выскоблил их мягкую водянистую сердцевину.

Затем Федор принялся вырезать отверстия. Пока он трудился, его лицо выражало такую глубокую сосре-

доточенность, какая бывает только у склонившихся над чертежными досками конструкторов.

Наконец свистульки были готовы. Митя подумал, что можно будет взять любую понравившуюся, но Федор сам раздал их.

* * *

Когда ребята подъехали к клубу, Аленона предложила испытать свистульки.

Она поправила помявшееся за время поездки к мельнице белое платье и тихо дунула. Какой-то странный, похожий на крик козодоя, звук огласил вечерующий воздух. Митя увидел, как в сумерках злорадно блеснуло лицо Нади. Однако Аленону не так легко было сбить с толка. Набрав в грудь побольше воздуха, она вновь дунула. На этот раз ее усилия не пропали даром: сильный, вибрирующий свист, пронзив дымчатое пространство над бледным, как губы мертвеца, полем, устремился далеко вперед.

– Теперь ты, – сказала Аленона Наде.

Девочка поморщилась.

– Я не хочу.

Митя подумал, что Аленона, как всегда, пожмет плечами и скажет: «как знаешь», но Аленона стала умолять подругу.

– Пожалуйста, хотя бы один раз! Теперь у тебя точно получится!

Надя поломалась для вида, а потом кивнула. Теперь было видно, что ее саму разбирает любопытство.

Свист получился громким и резким, как первый аккорд эстрадной песни, но Надя оказалась вполне удовлетворенной. Ее глаза заблестали плакатным гляncем.

– Вот как нужно! А у тебя что? Как будто кассету в мафоне заело. Кстати, приходи завтра, можешь с этим, – Надя небрежно кивнула в сторону Мити, – послушаем Цоя. Братеньник с телевизора записал.

Аленона задумалась.

– Завтра не знаю. Если только Анфиса не уедет к бабке.

– Давай, твой черед, – обратилась она к Мите.

Мальчику страшно не хотелось опозориться перед Надей, но еще меньше ему хотелось разочаровывать Аленону. Митя запустил руку в карман и обнаружил, что там ничего нет.

– Кажется, я ее потерял, – пробормотал он.

Надя смерила Митю уничтожающим взглядом.

– Маша-растеряша!

Аленона возмущенно фыркнула.

– Ты так говоришь, как будто сама ничего не теряла!

Глава VII. Пастух и пастушка

В понедельник Митя и Аленона отправились на лужок между оврагом и пшеничным полем.

Когда они оказались на месте, деревенское стадо наконец приобрело нужную, с точки зрения Константина, конфигурацию. Быки разместились строго на северо-западе, коровы на севере, овцы и козы образовали нечто вроде развернутого веера. Сам пастух лег на подстилку из пожелтелых игл под сенью молоденькой пихты.

– Папа, это Митя, – сказала Аленона, доставая из авоськи алюминиевый судок и ядовито-зеленый термос.

– А, пионер! – обрадовался Константин и тут же сжал Митину ладонь в своих огромных, пропахших травой и махоркой, лапищах.

Расстелив газеты, Аленона открыла судок. Его содержимое могло пробудить аппетит даже у мертвого. Самый нижний, проглядывающий в просветах, слой составляли тесно уложенные на дне, золотистые от масла, картофелины, средний – колбаски с кашей и луком, верхний – всякая всячина: малосольные огурчики, луковки, свеколки, морковки.

Не тратя времени на разговоры, пастухи приступили к обеду. Сначала Аленона ела мало, словно боялась, что отцу может не хватить, но потом, поощренная сдержанностью Константина, разошлась и принялась уписывать за обе щеки, соревнуясь с Митей за облада-

ние каким-нибудь особенно ценным трофеем: круглой, как перепелиное яичко, картофелиной, с соблазнительно приставшими к ее блестящим бокам кусочками лука, или пятнистым, будто шкура жирафа, кружком колбасы.

Когда судок опустел, Аленона отвинтила крышку от термоса и доверху налила в нее горячий чай.

– Будем пить по очереди, когда остынет, а я пойду пока, помою судок, – сказала она, потрянув волосами.

– Я с тобой! – воскликнул Митя.

Спуск к ручью занял гораздо больше времени, чем он предполагал. Теперь, наконец, до мальчика дошло, почему Аленона была в толстом свитере и резиновых сапогах. Репейник и крапива так тесно обступали тропинку, что иногда, чтобы не разодрать руки и ноги, приходилось поворачиваться боком, фыркая от лезущих в ноздри паутинок и цветочного пуха.

Неожиданно заросли расступились, и ребята оказались в крохотной березовой роще. Окруженная со всех сторон высокими дубами и липами, она, будто волшебный талисман на дне колодца, лучилась солнечным светом.

– Говорят, если трава густая – значит, здесь пасла стадо дочь Бога! – воскликнула Аленона, подходя к густо поросшему шелковистой муравой берегу ручья.

– Какого еще Бога?

– Который на небе, ну один старик.

Митя рассмеялся.

– Вот еще, сказки. Я хоть из города, но не такой дурак. На небе никто не живет, там холодно, под минус сорок. И еще, там мало кислорода и нет защиты от космической радиации.

Аленона надула губы и так сильно двинула судком, что вместе с песком зачерпнула несколько бледно-рыжих мальков.

– Это с научной точки зрения, а если не с научной, на небе все как здесь, только травы нет.

Мне бабушка рассказывала, когда-то давно там жил Бог. Он работал от зари до зари. Каждый день Бог посылал свою дочь вместе со стадом на землю. Посадит на качели, откроет небо, спустит качели до самой земли. А вечером дочь Бога приставит руки ко рту, чтобы слышнее было, и кричит на небо: «Отец, спусти качели, пора стадо в хлев загонять!» Ну и Бог снова откроет небо, спустит качели и поднимет дочь вместе со стадом на небо.

* * *

После чаепития ребята отошли в дальний конец лужка.

Аленона сняла сапоги и свитер. Митя увидел, как прилипший на какой-то миг к ее телу кусок материи очертил заключенные в скорлупки лифчика большие, даже для двенадцатилетней отроковицы, груди. Аленона швырнула свитер в траву и, не обращая ни малейшего внимания на Митю, разлеглась, вытянув ноги.

Взяв в рот былинку, она принялась двигать губами, неслышно напевая:

– Облака, белогривые лошадки...

Жаркое солнце холодной плазмой растекалось по лицу девочки; наполовину опущенные веки подрагивали, словно кусочки пены на поверхности водоворота; черные полумесяцы мохнатых ресниц радужно блестели.

Последовав примеру Аленоны, Митя разлегся в траве и стал наблюдать за облаками. Они напоминали разбросанные на шахматной доске фигуры.

Грудь Аленоны колыхнулась от приступа неожиданного смеха.

– Помнишь тот день, когда ты стащил у меня секретик? Ты что, вправду принял меня за призрак?

Митя почувствовал, как по его руке ползет букашка.

– Я не верю в глупые страшилки. И вообще, ты, наверное, сама перепаратилась, когда закрывала окно.

Аленона приподнялась на локтях, так что ее ровно подстриженные волосы трескуче хлестнули по траве, и смерила Митю уничтожающим взглядом.

– Интересно как? Окно еще зимой заколотили. Если не веришь, можешь хоть сейчас у папы спросить.

Букашка испуганно замерла в районе запястья. Митя, моргнув, сел на землю.

– Ты это серьезно?

– Серьезней некуда.

Мальчик нахмурился, а потом сказал:

– Я думаю, что для всего этого есть научное объяснение.

Глаза Аленоны зажглись восторгом.

– Хочешь сказать, мы можем выяснить, что на самом деле случилось с той девушкой?! Здорово!

– Еще бы! – обрадовался Митя и тут же прибавил: – Знаешь, у нас в классе девчонки все страшные зануды. Не то, что ты.

Аленона кивнула.

– Ага. Ты тоже ничего... Чуть не забыла! – вдруг хлопнула она себя по лбу. – У Надькиного брательника есть старинная фотография. Он ее из школьного музея стащил, когда Иван Петрович ему неуд поставил.

Митя вспомнил, что уже слышал это имя.

– А кто такой Иван Петрович?

– Наш учитель истории. Только смотри, когда пойдем в музей, про фотографию ему ни слова, а то он обидится.

– А ты сама там давно была?

Аленона пожала плечами.

– Не помню. Кажется, один раз, еще в первом классе.

* * *

После полудня стадо направилось дальше на запад. Не доходя до места впадения ручья в Сикиязку, Константин остановил животных на кромке свежевспаханного поля. Было жарко. В выцветшем, как вынутый из сундука бабушкин платок, небе лениво парили рыжеперые ястребы. Брошенный водителем трактор пыхтел на пригорке. Аленона предложила Мите пойти посмотреть на технику поближе.

Запрыгнув на облепленную земляными комьями гусеницу, девочка полезла в открытую кабину.

– Залезай, чего ждешь?! – закричала она.

Митя растерянно огляделся.

– А где тракторист?

Аленона махнула рукой.

– Ты про дядю Вичкыжана? Да он опять наверное пошел самогонку искать.

Кресло водителя – жесткое, обитое свалявшимся, пропахшим соляжкой, ворсом, – оказалось слишком узким для двоих. Чтобы не свалиться с него, Мите пришлось прижаться своими худыми ляжками к соблазнительно широким Аленониным бедрам. Девочка, не обращая никакого внимания на подозрительную окаменелость его мышц, стала объяснять Мите принцип управления трактором.

Неожиданно на краю поля появился Вичкыжан – высокий, тощий как циркуль мужчина. Ребята выскочили из кабины, однако тракторист, даже не посмотрев в их сторону, направился к деревенскому стаду.

Солнце скрылось за тюлевой тучкой. Квадрат поля чугунно соседствовал с живой зеленью луга. Над травой, скотом, беспрестанно вились какие-то мелкие, будто

льдинки в морозном воздухе, мошки. Длинный, вытянутый неряшливой змеей, осинник напоминал тщательно выписанный задник театральной сцены. Солнечный свет, прибитый к зениту, лучистыми полосами расползлся по отдельным деталям пейзажа, придавая их очертаниям неестественную резкость и глубину.

Ребята сели пить холодный чай, а Вичкыжан и Константин самогонку.

Вичкыжан, обращаясь к Константину, покачал головой.

– Вот так всю жизнь маешься из-за этих баб! Ну, чего Наталье еще нужно? Работаю, деньги домой приношу. Сено есть, дрова есть, корова есть. Нет, все равно чего-то не хватает. Уйду, говорит, от тебя, потому что ты меня насильно замуж взял.

В этот момент на лужке показались Лена и Инна. Они катили перед собой ручную тележку для садовой рассады на которой сидела Снежана и напевала:

Мой возок, катись, катись!
Серебряная плетка, взвейся!
Белый ястреб, покрикивай!
Дворовая собачка, полайвай!
Еду я искать жеребят!

– Вот глупая, у нее же нет никакой плетки! – рассмеялся Митя.

Аленона пожала плечами.

– Это они в жеребят за морем играют.

– Во что?

– Сказка есть такая.

– О чем?

– Какой любопытный. Я что тебе, почтальон?

Неразговорчивость Аленоны только еще больше растравила Митино любопытство.

– Ну, пожалуйста...

– Ладно. Но я вкратце. Вобщем, однажды у одного старика ожеребилась кобыла. Но не прошло дня, как все жеребята ушли за море. Старик послал за жеребятами старшую дочь. Чтобы испытать ее храбрость, он надел медвежьей шкуру и лег перед полевыми воротами. Девушка испугалась и вернулась назад. Так же сделала средняя дочь. Только младшая не испугалась. Она села в тележку, взяла в руки серебряную плетку и белого ястреба и поехала искать жеребят.

Когда девушка подъехала к полевым воротам, она прогнала медведя хворостиной. После этого девушка села в большую лодку и переплыла через море в далекую страну. Там она попросилась на ночлег к одной старухе. У этой старухи был красивый парень. Вот девушка в него влюбилась. Она попросила старуху отпустить парня с ней искать жеребят. Когда жеребята нашлись, парень предложил девушке выйти за него замуж. Девушка сказала, что сначала должна отвести жеребят отцу.

Вернулась девушка домой, пожила там некоторое время. И вот перед праздником парень прислал ей подарок – шелковые качели. Повесила девушка качели на высокую сосну, покачала отца, сестер, подружек. Потом сама села, раскачалась и улетела за море к парню.

– А как она могла перелететь через море? – удивился Митя.

– Ну, это же сказка, – улыбнулась Аленона. – В похожей сказке рассказывается о том...

Ой, пап! Кажется, Рыжуха клевера обьяелась!

Глава VIII. Сундучок Радия

На следующий день Аленона, как и обещала, потащила Митю в Сатурнеево. Двор Надиного дома оказался узким, как постель купе. С одной стороны он был зажат раздувшимися сенями, с другой – хозяйственными постройками. Велосипеды, серые от пыли, стояли прислоненные к забору.

Брат Нади, Радий, стройный, в стерлитамакских вельветовых брюках, засучив рукава, перебирал мотоциклетные ключи.

– Привет, чернявая! – воскликнул он, подмигивая Аленоне. – Ну, что на этот раз тете Анфисе в банку подбросила?

– Червяков. Надька дома?

– Сейчас придет. За полынью в проулок пошла.

Аленона потащила Митю в душевные сени. На нижней ступеньке, словно рыбные тушки на прилавке, лежали разнокалиберные калоши. За розовой с белыми цветами занавеской зудели мухи, то и дело с костистым стуком ударяясь о стекло.

Внутри избы царила приглушенная, мешавшаяся с тиканьем настенных часов, прохлада. Не смущаясь отсутствием хозяев, Аленона вытащила из шкафа магнитофон и набитую кассетами картонную коробку.

– Это так, для прикрытия. Сейчас мы включим музыку и будем ждать, когда Радий уедет, – сказала она. – Обыч-

но меня от мотоцикла не оторвать. Присосусь как пиявка к жопе. А сейчас типа пошла мафон слушать. Нет... Радий сразу просек, что что-то не так... Пусть лучше подумает, что я затащила тебя домой для тайных поцелуев. – Митя вдруг увидел опасно приблизившееся к нему округлое, блестящее, словно лесной орех, лицо. – Кстати, а ты вообще когда-нибудь целовался по-настоящему, в губы?

Митя почувствовал, как рот наполняется слюной, и с трудом выдал что-то нечленораздельное. Аленона некоторое время смотрела на него гипнотическими, похожими на два черных омута в ночи, глазами; ресницы, словно стебли тонкого тростника, объемно очерчивали их. Наконец в уголках Аленониного рта возникла ироничная улыбка.

– А, понятно, не целовался.

Аленона подошла к окну и осторожно выглянула в щель между половинками занавески.

– К Радию матуха подошла и что-то впаривает. Давай, заводи шарманку.

Митя вставил шнур магнитофона в розетку. Внутри черной пластиковой коробки загудело. Митя выложил несколько кассет с криво подписанными шариковой ручкой наклейками и задумался.

– Ну, чего тормозишь?

– Не знаю, какую поставить.

– А, без разницы. Можешь вон ту, беленькую.

Митя поставил кассету и, после небольшого вводного скрипа и шипа, комнату огласил голос Пугачевой:

Робот, робот –

Эта выдумка века,

Я прошу, ну попробуй,

Стань опять человеком,

Я глазами скольжу по тебе как по льду,
Показаться боюсь неказистой,
Неужели в две тысячи первом году
Нам заменят сердца на транзисторы?

– Фу, какая гадость! – воскликнула Аленона,
смешно морща носик.

– Ты же сама сказала беленькую!

– Откуда я знала, что песня будет про робота.

В это время скрипнула дверь и вошла худощавая,
темноволосая мать Нади. В чертах ее обветренного,
рано постаревшего лица читалась горделивость.

– Иди, тебя Радий зовет, – сказала она Аленоне.

Девочка тяжело вздохнула, незаметно подмигнув Мите.

– Я сейчас.

Когда Аленона вышла, женщина спросила:

– Ты откуда, из города что ли?

– Из Уфы.

– К кому приехал-то?

– К дяде Альберту и тете Зое.

Женщина поправила красный платок на голове.

– Ну, садись к столу, я тебя угощу чаем с медом.

Как тебя звать?

– Митя.

– А меня – тетя Ирга... Давай уберем магнитофон,
а то Надька опять раскричится.

Спрятав магнитофон в шкаф, она отправилась в кухню.

Митя сел за стол, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Ирга расставила голубые фарфоровые чашки. В их росписи – птицы клюющие ягоды, птицы в сетях, охотники в тирольских шляпах – сквозила капризность. Кроме меда – липового, в сотах, на столе появилось варенье из ирги. Оно оказалось чуть терпким, но слиш-

ком приторным и вязким. Соты понравились больше. Мальчику было приятно ощущать, как воск, подобно губке, вытягивает влагу из языка.

Увлеченный чаепитием, Митя не заметил, как вошла Надя с веником из белой, словно разрисованная серебристым карандашом бумага, полыни. Митя обратил внимание на удобу ее запястий. Вместе с желтоватым оттенком кожи и четко различимыми на ней черными мелкими волосками, они придавали Наде серьезный вид.

– Садись, потом подметешь! – сказала Ирга.

Надя приткнула веник к печке и отправилась мыть руки.

Сев рядом с Митей, она налила себе полную чашку и стала пить мелкими глотками, чуть отставив в сторону тонкий, натертый мизинец.

– Сколько заплатили? – спросила Ирга.

Надя нахмурилась.

– Нисколько.

– Вот, правильно, нечего к этим Кугумаровым ходить. Как были кулаками, так и остались. Дед-то ихний, ну, для вас, сопляков, уже прадед, Шамрат, батрака на смерть кнутом уговорил за то, что тот за столом засиделся.

Я когда маленькой была слышала, что раньше-то, до советской власти, Кугумаровы вроде князей царствовали. Ихний предок, говорят, аж ветер хотел заставить на себя работать, а ветер возьми и нажалуйся своей матери. Та подкараулила Кугумара, старшого, когда тот выехал в поле, схватила вместе с конем и повозкой, закружила, понесла, а потом сбросила в океан.

Надя неожиданно смутилась и сразу стала почти хорошенькой. Резкость черт ее лица смягчилась, легкий румянец изгнал желтизну кожи, и на какое-то мгновение Мите показалось, что рядом с ним сидит Аленона.

– Они меня сметаной угостили.

Однако Ирга была неумолимой. Ее губы презрительно искривились, подперев снизу узкие скулы.

– Прокисшей. Знаю я их! Небось сразу продристалась под первым же кустом.

Надя вяло огрызнулась.

– Конечно, все лопухи ободрала.

Увидев, как вытянулось лицо Мити, Ирга всплеснула руками.

– Ой, ты не обращай внимания. У нас тут всегда такие разговоры. Что не так ей скажешь, сразу обидится.

Митя быстро допил чай.

– Давай сюда, – предложила Ирга, – еще налью.

– Спасибо, – ответил Митя и тут же почувствовал легкий удар острой Надиной коленки.

– Мы пойдем во двор, к Аленоне, – сказала девочка, решительно отодвигая от себя чашку.

Выйдя из-за стола, Надя полезла в шкаф за магнитофоном. Митя невольно удивился отсутствию всякой грации в ее телодвижениях. Они были резки, угловаты, наполнены каким-то вызывающим натурализмом. Надя поленилась присесть. Она просто согнулась, сунулась в шкаф, невежливо выставив на всеобщее обозрение свои худосочные ягодицы, а потом резко выпрямилась.

Когда Надя и Митя вышли на залитый солнцем двор, Аленона сидела на корточках, прислонившись спиной к забору. Радий стоял рядом и курил.

В пыли издыхал утенок. Сначала он сидел неподвижно, а потом его клюв начал клониться к земле. Митя оцепенел, пораженный омерзительным зрелищем. Глаза утенка вдруг почернели и, выпучившись, стали вылезать наружу двумя жирными пиявками. Покинув тело утенка, пиявки, извиваясь в пыли, стали расползаться в

разные стороны. Митя хотел отвернуться, но не смог. От отвращения у него сдавило спазмами горло.

– Откуда в нем пиявки завелись? – спросила Надя и, недолго думая, раздавила их носком калоши. Пиявки лопнули словно спелые смородины.

Радий бросил окурок в пыль.

– Наверное, наглотался в пруду. Сейчас отвезу труп на свалку, а то будет тут вонять.

Молодой человек выкатил во двор двухцилиндровый «Юпитер» с голубым баком. Достав длинную веревку, Радий привязал ее один конец к мотоциклу, а другой к шее мертвого утенка.

* * *

Закрыв ворота за братом, Надя сказала:

– Теперь пойдем в сад, музыку послушаем.

Аленона подмигнула Мите.

– Заодно изучим сундучок Радия. Я знаю, ты знаешь, где он прячет от него ключ. Под холодильником.

– Все то тебе известно!

Надя открыла калитку между баней и хозяйственной постройкой.

Пахло зеленой, пятнистой от просветов в листве, прохладой. В начале сада мохнатились грядки с огурцами и помидорами, чуть дальше кучерявилась морковь и багровела прожилками ботвы свекла. От улицы сад был отделен высоким глухим забором, от огорода, целиком отведенного под картофель, – подобием плетня. Все остальное пространство занимали тыквы, стыдливо белеющие в густой листве.

Две кривые яблоньки, усеянные мелкими красными плодами, тонули в тени исполинского вяза. Его могучие корни, словно лапы окаменевшего древнего чудовища,

взрывали землю, тянулись к хозяйственным постройкам и, казалось, к самому дому. Ствол дерева – морщинистый, но прямой как стрела крана, служил своеобразной ручкой гигантского зонтика из мелких светло-зеленых листьев.

Справа от бани стоял бревенчатый, с выкрашенным красной краской верхом, флигель.

Ребята, согнувшись, вошли внутрь строения. Там оказалось не так уютно, как предполагал Митя. Полосатые половички, положенные крест на крест на дощатый пол, занавешенное куском гипюра окно, в которое нельзя было просунуть даже голову, аккуратный сундучок, напоминали части положенного на сохранение театрального реквизита.

Девочки долго спорили о том, какую кассету поставить. Митя не слушал их, целиком сосредоточившись на изучении сундучка. Он был сработан из какой-то легкой древесины, покрытой толстым слоем темно-зеленой краски. Порыжевшие полосы металла разнообразили скучный фон, и только в одном месте, на крышке, имелись остатки выцветшего и замаслившегося рисунка. На рисунке была изображена высокая молодая девушка в красном платье с длинными, до колен, рукавами. Ее черные волосы змеящимися локонами растекались по плечам. На заднем фоне возвышался полосатый шатер, вокруг которого лежали тела воинов в остроконечных шлемах. Глаза девушки были опущены.

В какой-то момент Мите вдруг показалось, что тусклые краски подернулись дымкой, поплыли, а потом столь же внезапно сделались яркими и резкими. Мальчик заметил, что кончики волос девушки чуть подрагивают от ветра. А потом девушка вдруг подняла свое удивительно белое, как кувшинка в черной неподвижной воде, лицо и пристально посмотрела на Митю...

Скрип ключа в замке вернул мальчика к реальности. Картинка снова стала картинкой: плоской, тусклой и неподвижной. Митя только сейчас заметил, что поразивший его воображение эффект объяснялся заурядной причиной. Надя, ища ключ, задела занавеску и попавший на крышку сундука луч солнца создал иллюзию того, что девушка на рисунке ожила.

– Только смотрите, оба, Радию ни слова, а то он меня убьет! – пригрозила Надя.

Внутри сундука оказалась куча интересных штук: дембельский альбом в синем картонном переплете, каштановый локон, перевязанный розовой шелковой лентой, коллекция порнографических карт, набор открыток с видами Будапешта, картонный чемодан, набитый пестрыми галстуками – желто-синими, полосатыми, оранжевыми в белый горошек, фиолетово-рубиновыми, в квадратик, – а также запонками – перламутровыми и под камень. На самом дне сундучка лежала морская раковина, завернутые в полиэтиленовую пленку, документы на мотоцикл и старинная пожелтевшая фотография в золоченной деревянной рамке.

Похихикав над картами, девочки принялись рассматривать дембельский альбом. Митя примостился сбоку. Начало альбома не блистало оригинальностью. Посвящения некой О., жалобы на суровую казарменную жизнь, заверения в клятвенной любви к родине, сменялись довольно бойкими стишками об армейских буднях, с искусно вплетенными в поэтические строки вовсе не поэтическими номерами воинских частей. Орнаментировка желала оставлять лучшего. Бесконечные красные звезды, серпы, молоты, флаги, калашаи со штыками, увитыми лавром, были нарисованы словно под копирку.

Где-то на двенадцатой странице произошел долгожданный графический перелом в виде целой серии роскошно выполненных черной шариковой ручкой рисунков. Некоторые из них поражали своим натурализмом, вроде ползущего к «Тигру» красноармейца, другие, преимущественно из армейского быта, черным юмором.

Больше всего Мите запомнились два рисунка. Первый изображал склеп. Выход из него был затянут густой паутиной. В центре склепа, на балке, висел скелет. Рядом стоял другой, с обломком шпаги, застрявшим между ребер. Третий скелет усердно тер пол своей нижней челюстью. Четвертый, обезглавленный, склонился над тазиком, в котором плавал череп. Композиция называлась «Добро пожаловать в армию!»

На втором рисунке была нарисована девушка на могиле. Закатное солнце широко разбрасывало неровные лучи, в которых зловеще купались черные вороны. Рядом лежал клочок бумаги с красноречивой надписью: «скажите ей, что я вернусь, скажите ей, что я останусь!»

Наконец настал черед фотографии. Смешки смолкли, когда Аленона бережно взяла ее в руки. Митя почувствовал, как на него пахнуло сладковатым запахом плесени. Фотографическая бумага пожелтела, покрылась мелкими трещинами. На снимке была запечатлена семья из четырех человек. В центре, опершись локтем о тумбочку, сидел мужчина в черном костюме-тройке. Высокий воротник белой сорочки подпирал его худой подбородок, что придавало лицу мужчины несколько высокомерный, не вяжущийся с добрыми глазами, вид. Справа – белокурая женщина в платье с высоким лифом. Слева, под пальмой в кадке, совсем юная девушка с аккуратно зачесанными, чуть вьющимися волосами.

Ее тонкую шею украшала батистовая ленточка с овальной брошью.

В правом верхнем углу фотографии белела, оснащенная замысловатыми петлями, надпись:

Землевладелец, действительный статский советник Кошечев Владимир Григорьевич с семейством. Фотографический салон братьев Кулибиных. Уфа. Мая месяца второго дня 1893 года.

Аленона, повернув рамку боком, нечаянно надавила на нее. Щелкнула потайная пружина, и из рамки, прямо в руки девочки, выпал лоскут тщательно выделанной кожи без всяких надписей.

– Даже не проси, – поспешила заявить Надя, – фотографию я тебе не отдам, потому что меня брательник прибьет. А бумажку, так и быть, можешь забрать себе.

Ребята сложили вещи Радия в сундучок и вернулись во двор. Ирга кормила кур, разбрасывая пшено из белой, с черным пятном, эмалированной тарелки. Сухая, поджарая, она сама напоминала одну из пестрокрылых несушек.

Глава IX. Колодец

После того, как дом Нади скрылся за поворотом дороги, Аленона, вытащив лоскут, сказала:

– Я думаю, это настоящий пергамент.

Митя остановился, пораженный неожиданной догадкой.

– А вдруг на нем что-то написано? Я читал, что пират Кидд использовал специальные невидимые чернила.

Аленона захлопала в ладоши.

– Точно! Это, наверное, какая-то секретная записка. Только... как ее прочесть?

– А что если мы попробуем нагреть пергамент?

– Здорово! Давай сделаем это прямо сейчас. У тебя есть спички?

Митя хлопнул по оттопыренному карману трико, так, что спичечный коробок загрохотал, как барабан с лотерейными шарами.

– Конечно. Я всегда ношу их с собой. На всякий случай.

Ребята укрылись в лесопосадке за высокими зарослями иван-чая. Аленона держала пергамент, а Митя водил под ним зажженной спичкой.

Вдруг потянуло дымком, и на лоскуте проступила коричневая полоска. Девочка вскрикнула.

– Смотри, я же говорила!

Митя сжег почти все спички, пока ребята не увидели жирные, мохнатые как гусеницы, коричневые буквы и символы:

Слово М. $\zeta\pi\tau\nu\tau\chi$ отай خاڭدوژسگوي вежи
водовел'ышке

– Какая-то абракадабра... – разочарованно протянул мальчик.

Аленона сжала губы, так, что они потемнели у краев, словно лепестки роз.

– Надо будет показать Ивану Петровичу.

* * *

Когда они прошли через стоящие на страже Альгино высокие сосны, Аленона внезапно остановилась и, схватив Митю за локоть, пробормотала:

– Только этих гавриков нам не хватало!

Митя услышал нестройные крики расположившейся прямо на дороге местной детворы. Кроме знакомых Мите Юрки и Дениса, там были два, загорелых до черноты, мальчика, низкорослых и коренастых как медвежата.

А мы разбойники, разбойники, разбойники!

Пиф-паф и вы покойники, покойники, покойники!

– ревела гольтепа.

Не оставалось никаких сомнений, что, по всем правилам игры, сейчас их будут грабить.

– Что будем делать? – спросил Митя.

Аленона вытерла лоб.

– Позовем искупаться на речку, а сами смоемся. Я хочу сводить тебя в одно место.

* * *

Расчет Аленоны оказался верным. По правде говоря, мальчишкам опостылело сидеть на дороге, и им нужен был только повод, чтобы избавиться от Юры.

– Предатели! – кричал Юра вслед убежавшим по проселочной дороге к Сикиязке товарищам.

Перейдя через овраг, ребята вырвались на залитый солнцем простор лугов, чуть выше того места, где в прошлый раз стояла телега расхитителя колхозных кирпичей.

Бледно-сиреневый цикорий, подобно шелковой ленте на тулье дамской шляпки, оттенял зеленый цвет трав. Желтая от пыли проселочная дорога вилась между колосьями молочно-незрелой ржи. Слева, в роскошном канте глянцевого тростника, шумел ручей, справа темнела лесопосадка, сплошь состоявшая из берез, осины и мелких сосен. За лесопосадкой неясным светло-зелено-охристым комом возвышался округлый холм, увенчанный густолистой кроной могучего дуба.

Коренастые мальчишки со смешными именами Лапкас и Варас сразу полезли в воду, оглашая окрестные берега резкими криками. Денис отправился на другой берег ловить лягушек.

Воспользовавшись случаем, Аленона увела Митю ниже по течению.

Солнце заволокло легкими облаками. Оно сразу стало похоже на желтый цветок, завернутый в полиэтиленовую обертку. Вода в Сикиязке подернулась синей зыбью. Песчаное дно, по которому чиркали полосатые спинки мальков и черные, с зеленовато-зернистым отливом, тельца головастиков, просматривалось в мельчайших подробностях, словно выложенное мозаикой,

дно фонтана. Митя и Аленона прошли по протоптанной в зарослях чемерицы тропинке к высокому меловому склону.

Аленона потянулась так, что подол ее и без того короткого платья задрался, обнажив фарфорово соблазнительный верх ног.

– Ой, жарко-то как здесь...

Действительно, было жарко. Высокий берег заслонял северную сторону. Местами он обрушился, представляя собой подобие слоеного пирога. Внизу шла темная, почти коричневая глина. Ее сменяли слои бело-розовой, охристой извести, далее, в порядке очередности, целые глыбы, небольшие камни, зернистые россыпи. «Пирог» венчала тонкая корочка черной земли, пронизанная трепещущими на легком ветру корнями луговых былинки. Глубокие рытвины спускались по склону к воде. На их дне рос мелкий кустарник, больше напоминающий карликовые деревца. Его одеревенелые, высохшие ветви, только местами сбрызнутые зелено-медными листиками, будто волосы увязшего в песке гиганта, топорщились в разные стороны. Рытвины подходили к самой воде, расходясь широкими фиолетово-муаровыми веерами смешанного с песком ила. Подобно атласу и батисту, песок переливался радужными красками.

Черные коряги на берегу, принесенные течением из глубин леса, поражали разнообразными, нелепыми в своей развязности позами. Одна, самая большая, с продолбленным дятлом нутром, окаменелыми остовами древесных грибов и кусочками сухого мха, напоминала ведущего какой-нибудь политической телепередачи. Другая, ветвистая, изломанная, выскочившего на сцену молодого певца в цепях и кожаных брюках. Третья, прямоугольная, как маленький гроб, – сюсюкающую

Наташу Королеву из «Утренней почты» в пошитых из розового бархата брючках.

– Ты обещала куда-то сводить меня, – напомнил Митя. Аленона насмешливо посмотрела на него.

– Не будь занудой. Давай хоть ноги помочим.

Не дожидаясь, пока Митя разденется, она зашла в ручей.

Даже в середине русла вода едва доходила ей до колен, поэтому Аленона могла ходить по дну, не рискуя намочить платье.

Вода, встретив сопротивление в виде двух девчачьих конечностей, только на мгновение задумалась, а потом, обвыкнув, глубоко-таинственным шумом, стала красиво обтекать их, брызгаясь мелкими капельками, которые очередями взлетали в воздух.

В какой-то момент солнце вышло из пелены облаков и засверкало с оглушительной силой. Ручей заиграл нереальными красками: пунцово-золотистыми, серебристо-зелеными, пурпурно-белыми.

Яркие блики, плясавшие на водяной ряби, таинственно блуждали на смуглом лице Аленоны, вспыхивали изумрудно-аметистово-рубиновыми искрами в ее прямых, чуть раскачивающихся от легкого ветра, черных волосах. Целые стаи индигово-синих стрекоз с бархатисто-фиолетовыми крыльями вились вокруг нее; тростник почтительно склонял сочные зеленые стебли; желтые кувшинки, словно вырезанные из пластика сувениры, покачивались в заводях между топляком и веерообразными наносами песка; отрывающиеся от стеблей широкие, будто сердца, листья водяных растений, увитые гирляндами водорослей и ряской, текли мимо.

Наконец Аленона выдохлась, продрогла и вышла сушиться на берег. Даже замерзшая, с посиневшей гу-

синой кожей, она будоражила воображение Мити. Ее лицо дышало свежей наглостью. От солнца оно сделалось блестящим как кожица спелого яблока. Губы, чуть не приоткрытые, как всегда собранные, источали неосязаемый аромат. Руки, тонкие в запястьях, но изящно сложенные в ладонях, лежали по обе стороны белого в горошек платья, подчеркивая несколько тяжеловесную, но от того манящую линию бедер, природную смуглость иссеченных мелкими порезами коленей.

– Ну а ты что сидишь? – спросила Аленона, икая и постукивая зубами.

– Да так, не хочется. Я... – начал было Митя, но осекся.

– Что я?

– Смотрел, как ты по воде идешь.

– И что?

– Ничего, просто смотрел.

Аленона усмехнулась, села на корягу, не обращая внимания на то, как одна веточка некрасиво отогнула край платья.

– Иди сюда! – сказала она. – Здесь лучше, чем на скамейке.

* * *

Скрип велосипедной цепи прорезался среди журчания воды и стрекота кузнечиков. Обернувшись, ребята увидели почтальона в фуражке. Он спустился к берегу и, приткнув велосипед к коряге, спросил:

– Как водичка?

– Холодная, – призналась Аленона.

Наконец девочка перестала стучать зубами и снова засобиралась в воду. На этот раз Митя решил последовать ее примеру. Однако стоило ему войти в ручей,

как что-то быстрое, черное, с оранжевым пятном, мелькнуло между травинок и, легко извиваясь, поплыло рядом с Аленоной. Митя вздрогнул, застыл, но девочка только рассмеялась.

– Это уж. Он безвредный.

Когда ребята вышли на берег, Гера стал рассказывать о змеях. Митя знал, что на широте Башкирии водятся всего два вида этих пресмыкающихся: уж и гадюка. Однако выяснилось, что народная классификация куда подробнее и интереснее принятой в учебнике зоологии. Только одних ужей насчитывалось четыре разновидности: берестоголовая, зеленоватая, черная и бронзовая.

Митя приготовился расспросить почтальона о призраке, но в этот момент сверху посыпались камешки. Мальчик поднял голову и увидел спускающегося к берегу человека исполинского роста в розовой, как в сказках режиссера Роу, рубашке. У незнакомца было широкое, кирпичного цвета лицо с глубоко посаженными грязно-синими глазами. Подойдя к Гере, незнакомец сказал:

– Здорово, почтальон!

Гера невольно поежился.

– Здорово... Только я тебя не знаю, мужик.

Недобрая усмешка тронула губы незнакомца.

– А ты спроси у предколхоза. Он то меня должен помнить. Я вот его помню.

– Да ты кто такой?! – не на шутку перепугался Гера.

Голос незнакомца загремел, глаза засверкали.

– Ветеринар Яков, которого эта сука из собственного дома выперла! Верь людям. Обещал – поработаешь годик другой, дом твой будет. Как начал работать – каждый день то в коровник, то в соседний район, уже забыл, что жена есть.

Не вытерпел, зашел к предколхоза: мол так и так, все в своих домах живут, даже старая проститутка библиотечарша, а я до сих пор в колхозной квартире. Ну, он мне: «Потерпи браток чуток».

Через годик смотрю, работы все больше, а денег ни фиги. Разве что картошки, самогона ребята подкинут. А у жены уже двое, одевать нужно, к школе там готовить. Вот жена говорит: «Давай дом продадим, в Бирск или Уфу уедем». Пошел я к предколхоза, сказал, в чем дело. А он как услышал, так взъерепенился! Стал кричать, что я хрен от него получу.

Короче, написал увольнительную, и утром айда в Ильдусово. Там как раз старый ветеринар помер.

Вот сейчас хожу смотрю, как вы, слизняки, с этим треплом маетесь.

– Что же делать-то, – развел руками Гера.

– Гнать в три шеи, заяву катать в райком, да мало ли куда... Хоть в КГБ, прокуратуру. Он же, сука, весь колхоз под нож пустил, разворовал. Вот, при прежнем как жили... Воровал гад, да меру знал. А этот? Бесстыжая морда! Что те, в Москве, Шеварнадзе с Горбачевым, что этот.

Гера, наконец, почувствовал твердую почву под ногами.

– Что ж ты, Яков, говоришь! Михаил Сергеевич, генеральный секретарь, архитектор перестройки...

Ветеринар блеснул своими глазами, упер руки в бока.

– Видал я твою перестройку. Мне один мужик говорил, старовер из Лыковских: Меченый до ручки страшу доведет. После него ничего не будет.

– А что будет?

– Конец света, Страшный Суд. Протрубит ангел смерти Самаэль. Земля и море, звери и птицы, рыбы и

гроба отдадут назад проглоченные ими тела мертвецов. Солнце и луна померкнут, звезды, падут с неба. Само небо свернется, как свиток. От престола Судьи хлынет огненная река. Тогда соберутся все народы, и свершится суд: праведники станут по правую руку от Судьи, грешники по левую.

Мите отчаянно захотелось узнать, кто такой этот мужик-старовер и что он еще знает об ангелах. Однако Яков, предупреждая вопросы, сказал:

– Я слово ему дал, ничего о нем самом не рассказывать.

– А что будет, если расскажете? – спросил Митя.

– Помру.

Воцарилось молчание.

Яков постоял еще какое-то время, любуясь произведенным эффектом, а потом медленно побрел прочь.

– Как хорошо здесь! Никакого курорта не надо! – воскликнул почтальон, растягиваясь на песке.

Митя швырнул камешек в ручей, так, что тот подпрыгнул целых четыре раза.

– Дядя Гера, а во что она была одета, та девушка?

На лбу почтальона прорезались морщины. Кажется, он хорошенько подумал, прежде чем ответить.

– Как водится у призраков: в белое платье. Вот еще, вспомнил, у нее на шее ленточка была...

* * *

Гера уехал через час. Аленона решила наконец исполнить свое обещание.

– Пойдем?

– Куда?

– В Тартышево. Это за Сатурнеево, около Дюртулинского поворота.

– Так далеко?! А что там интересного?

Аленона загадочно усмехнулась.

– Увидишь.

Сначала ребята шли по дороге в Утяево, потом повернули на восток, обходя заросшее зелеными квадратами сорняка поле.

Шли долго. Наконец показался какой-то одинокий, скособочившийся, как пенсионер у окошка регистратуры, дом.

– Раньше здесь дворов сто, или даже больше было, – сказала Аленона, – а потом все русские в город переехали, а татары и марийцы в другие деревни.

Митя показал рукой на дом.

– А кто там живет?

– Один старик, Тоштыйлме. Папа ему косить сено помогал.

Ребята, стараясь не шуметь, прошли мимо дома и направились по еле заметной в густой траве тропинке. Искривленные, покрытые шишками, старые деревья, будто столбы, стояли по сторонам. Их было мало, но они до сих пор обозначали границы уже давно не существующих дворов и улиц.

Солнце светило ярко, резко, как лампа в кабинете стоматолога. Его свет, выхолощенный, пустой, казалось, почти отвесно падает на предметы. Тени были длинные, черные, словно порезы в дерматине трамвайного сиденья. Даже непобедимый в наглой плодовитости и простоте цикорий, казался сошедшим с экрана телевизора. Бледно-синими урнами он возвышался над травой.

Митя вдруг подумал, что эта деревня мертвая, и по его коже пробежал холодок.

– Скоро? – спросил мальчик.

– Почти пришли.

Тропинка привела ребят на дно небольшого оврага, которое густо заросло кустами калины и волчьих ягод. Аленона подвела Митю к почти невидимому среди зарослей каменному полукругу заброшенного колодца.

Лицо девочки сделалось необычайно серьезным.

– Вот здесь ее нашли.

– Кого? – спросил Митя, не в силах отвести взгляда от черного, как космос, провала колодца.

– Дочь Кощева...

Митя осторожно заглянул внутрь колодца и увидел, что он почти доверху засыпан землей.

* * *

Возвращались в Альгино уже под вечер. Чтобы срезать путь, Митя и Аленона решили идти напрямую, через луга.

Холм, который был для них ориентиром, делался все больше и больше, пока не вырос в настоящую гору. У подножья он зарос высоким кустарником. Было еще светло, хотя солнечный свет отливал желтым, как пластиковый абажур. Крупные, будто кремовые розы, цветы шиповника, подобно накрахмаленным бальным пачкам, трепетали на легком ветру. Золотистая пыльца слетала с них, брызгая во все стороны, как капли фонтана. Иногда порывы ветра становились настолько сильными, что заставляли раскачиваться самые высокие, кряжистые кусты; в такие моменты сплетения ветвей и листьев приподнимались, обнажая притаившиеся в них гнезда переливчато-дымчатых славок и пятнисто-грудых малиновок. Участки, заросшие кустарником, красиво, словно полосы ромовой бабы, сочетались с вымоинами, очерченными тонкими полосами фиолетового тысячелистника, розово-пурпурной кошачьей лапы и

оранжево-белого донника. Тень огромного дуба, атомным взрывом венчавшего холм, накрывала весь юго-восточный склон, постепенно протягиваясь все ниже, к шиповнику, а потом дальше, к чахлой лесопосадке. Она придавала холму какойто нереальный объем, превращая его в подобие исполинского воскового яблока с большим бликом на северо-востоке.

Взобравшись на вершину, Митя и Аленона некоторое время стояли молча, слыша доносящийся сверху шелест листвы и протяжное, осложненное тонкими переливами, скрипение дубовых сучьев.

Митя увидел дерево-патриарх. Его корни расходились в разные стороны. Между ними пушилась бледно-синяя печеночница, вперемешку с другими растениями: волнистолистой будрой, фиолетово-гофрированным ломоносом, волосовидной овечьей овсяницей и, в одном месте, будто для завершения экзотической коллекции, раковинообразным венериным башмачком. Было непонятно, как в самом центре вытаптываемых скотом лугов могло сохраниться такое ботаническое разнообразие. Казалось, кто-то невидимый убирается под дубом: возле него не было сухих листьев, старых, треснувших желудей. Крона дерева снизу казалась еще величественнее, чем со стороны. Она напоминала исполинский такелаж устремившегося в пучину неба воздушного корабля.

Митя вдруг подумал о том, что старый дуб был таким же высоким и могучим сто лет назад. Его взгляд устремился на северо-запад, через луга и лесистый овраг, туда, где на фоне синего неба краснели стены усадьбы.

Аленона посмотрела на Митю большими, с радужным блеском, как винил пластинок, глазами.

– Красиво... Правда ведь, красиво?!

– Правда.

* * *

Вечерело. В восковых красках стала преобладать амальгамная позолота. Солнце перестало быть ультрафиолетом прорехой. Оно округлилось, обрело четкие границы, вошло в легкий флер прозрачных предвечерних облаков. Морщинистая кора дуба занялась бездымным жарким пламенем, листья, не колеблемые ветром, затрепетали от множества обрушившихся на них оттенков. Холм начал медленно погружаться в исходящую заливающим треском сверчков душисто-шафрановую тень.

Митя не хотел возвращаться домой. Аленона, в белом, кажущемся пурпурным, с золотистой каймой, платье, стояла рядом. Ее губы, как только что распустившиеся в вазе бутоны, были полуоткрыты, глаза затуманены зеленовато-медной поволокой. Но вот далеко, за усадьбой, ударил рельс сторожа.

– Блин, меня мачеха прибьет за то, что я забыла прополоть свеклу! – сказала Аленона, становясь обычной деревенской девчонкой в застиранном до катышков платье и пыльных калошах. – Ну, ты как, идешь?

Прежде чем спуститься, Митя огляделся. Вся западная половина неба была в огне. Закат умирал на глазах, исходил пурпуром, багрянцем, золотом. Наконец от всей былой палитры осталась только широкая бледно-желтая полоса. Местность между холмами превратилась в тусклую пустыню. Зыбкие полосы тумана, словно дымные хвосты самолетов, протянулись над лугами. В окрестных деревнях одинокими маяками зажглись огни, залаяли собаки.

Глава X. Дневник

Июльский день незаметно переходил в белый вечер. Воздух, будто мороженное на блюдечке, растекался теплыми волнами. В палисадниках торчали золотые шары и тигровые лилии. Семафоры мальв, переплетенные вьюном, слепили глаза. Подрезанные ивы с пышными, как тюрбаны восточных мудрецов, кронами закрывали резные наличники домов. Возле школы, на вершине холма, царил день. Облака быстро пробежали над темно-красной крышей здания.

Выйдя через черный ход к чугунным воротам, Митя и Аленона обнаружили сидящих в окружении парт Константина и Ивана Петровича.

У учителя оказалось открытое светлое лицо, рыжеватые усы и смеющиеся зеленые, как молодой укроп, глаза.

Аленона быстрой серной вскарабкалась на арку. Митя, боясь показаться трусом перед сторожем, последовал за ней. Осмотрелся. Воздух был чист и свеж. Он напоминал морскую воду. Кирпичный пояс хозяйственных построек, словно коралловый риф, облепленный зелеными водорослями-деревцами, ступенями опускался на изумрудное дно, с белеющими на траве партами. Вокруг пестрели поля, рощи, крыши ближайших строений.

Когда ребята спустились, Иван Петрович подзвал Аленону.

– Краска вон, в той банке. Кисточку возьми.

Аленона надула щеки.

– Я уже отработала на прошлой неделе.

Константин затушил самокрутку о край парты, грязным пальцем смахнул пепел.

– Слушай, Петрович, а что ты пионеру наш музей не покажешь?

Иван Петрович просиял.

– Так вы посмотреть пришли? Конечно покажу!

Музей оказался крохотной каморкой, увешанной стендами, кричащими об успехах сельского хозяйства. Приклеенные силикатным клеем черно-белые фотографии успели отойти от основания, оголив прочерченные металлическими перьями рамки из красной туши.

Иван Петрович повернулся спиной к достижениям советского периода. Даже здесь, в деревне, чувствовалась надвигающаяся гроза. Коммунистическая дребедень медленно осыпалась, брошенная на произвол судьбы. Героические страницы собственно школьной летописи: первый субботник, какие-то то ли армяки, то ли зипуны, побеленные стволы деревьев, сколоченные из досок звезды; серые рубашки, подпоясанные ремнями, фуражки, новенькие трактора; темно-синие пиджачки с алюминиевыми пуговицами, свекла и капуста на школьном участке, – меркли перед изготовленным недавно, с очевидной любовью стендом – «Из истории Базановской волости и деревни Альгино в частности. Составлено учителем географии и истории Пионерской неполной сельской школы И.П. Изилиевым».

Стенд начинался с цветной фотографии окрестностей деревни Альгино со стороны Дюртулинского поворота. Размещенный под ней стандартный текст взывал к исторической памяти: «Территория нашей деревни была заселена еще в эпоху палеолита – каменного века.

Об этом говорят находки кремниевых ножей и наконечников стрел». Дальше следовала краткая информация о древней и средневековой истории. Эпоха бронзы: статуэтка из Египта; обнаруженный в 1924 году трактористом Якимовым, во время работ в поле, бронзовый меч (пропал в 1937 году); привозные стеклянные бусы из Фанагории. Эпоха железа: могильная стела с изображениями атрибутов племенного вождя – секирой и мечом. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Восстание под предводительством Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева. Стенд заканчивался выпиской из решения Сатурнеевского сельсовета от 25 мая 1936 года об образовании нового населенного пункта – деревни Альгино: «в целях более равномерного распределения трудовых ресурсов и освоения национализированной кулацкой земельной собственности».

– У вас есть какие-нибудь старинные книги? – спросил Митя.

Иван Петрович растаял.

– Как нет? Конечно есть, я же историк!

Он открыл стоящий в углу высокий шкаф с чучелом удода и дырявым глобусом.

Ребята не успели опомниться, как в руках Ивана Петровича очутилась переплетенная розовой миллиметровой бумагой книжечка «Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии на 1906 год, составленный господином Лобунченко, секретарем Уфимской конторы».

Учитель принялся читать:

Базановская область. В волости всего 32 селения, в них жителей 10976 душ обоего пола. Преобладающий род занятий населения – земледелие. Местность

большей частью ровная, с невысокими холмами и кустарником. Деревня Сатурнеево (согласно местному преданию, была основана в 1774 году выходцами из Уржумского уезда Вятской губернии. Sic! И какому только чудачу пришло в голову назвать так сие русско-черемисское поселение? Может быть, тайному поклоннику Карамзина и всей вообще нашей пастушеской поэзии позапрошлого века, грезящей о новой Аркадии, новом Сатурновом царстве?) расположена при реке Каран, на проселочной дороге. В деревне наличествуют 2 бакалейные лавки, кроме того, в двух верстах от нее расположена усадьба землевладельца Кощеева. От уездного города до деревни Сатурнеево 25 верст, от волостного правления 9. Число дворов 70. Мужескаго пола 171 душа, женскаго 177.

Затем Иван Петрович продемонстрировал «Ведомости тептярских селений по Бирскому уезду». Из них ребята узнали, что, согласно данным «Истории Оренбургской» Рычкова, в 1745 году восставших жителей Базановской волости возглавили тептяри Кинзебай и бобыль Ильбарь. Буляк Якупов и Арслан Рагулов со стороны Бирска взаимодействовали с отрядами башкирца Салавата.

– Оказывается за историей нашей деревни стоит столько фактов! – воскликнула Аленона.

Иван Петрович косо посмотрел на нее.

– Спать надо меньше на краеведении!

Аленона ничуть не обиделась.

– Да вы там вечно про какихто Варфоломеев и Генрихов рассказываете, а мне охота про Владимира и Рогнеду. И, вот еще, про Колдунью из Нарнии. Лучше бы дали почитать старинные книжки!

Иван Петрович для вида нахмурился, погрозил пальцем.

– Вашим Юре и Денису только покажи, так они весь шкаф перевернут. Я что, думаете, эти книжки за спасибо получил? В архиве все строго, листка не вынесешь. – Учитель замер с открытым ртом, поняв, что болтнул лишнее. Однако, увидев, что ребята ничего не поняли, снисходительно улыбнулся, изображая наивного педагога.

– Зато теперь – другое дело! Все лоботрясы на озере, лягушек пугают.

Аленона, расправив платице, так что оно красиво очертило ее недетские бедра, уперла руки в бока.

– А что-нибудь есть про усадьбу Кошчеевых?

Иван Петрович задумался только на секунду. Теперь ничего не могло сдержать его хвастовства. Пошуровав в шкафу, он достал сложенный вчетверо лист «Уфимских губернских ведомостей» от 27 марта 1882 года.

– Полюбуйтесь, – воскликнул Иван Петрович, тыкая в небольшое объявление.

Желающих продать имение, расположенное вблизи рек Камы, Белой или Уфы и заключающее от 300 до 1500 десятин черноземной пашни, немного лесу и небольшую хотя речку, просят адресовать и письменно с точным описанием имения и подробным изложением условий продажи в Мотовилиху Пермской губернии Владимиру Григорьевичу Кошчееву.

– Если соотнести это объявление с надписью на надгробии, то получится, что Кошчеевы переехали сюда где-то между 1882 – 1883 годами, – предположил учитель.

Аленона вскинула брови.

– Почему вы так решили?

– Потому что это объявление печаталось на протяжении всего 1882 года. Вероятно, прежние хозяева имения решили избавиться от усадьбы зимой 1883 года, после продажи урожая.

– А что на самом деле случилось с дочкой Кощеева? Правда, что ее сбросили в колодец? – спросил Митя.

Иван Петрович выудил из шкафа очередной раритет. Им оказался обычный блокнот в переплете из кожзаменителя.

– Вот выписка из «Уфимских губернских ведомостей»:

Ужасный случай произошел на прошлой неделе в усадьбе землевладельца г-на Кошеева (Бирский уезд, Московская волость). Казалось, ничто не предвещает беды. Был тихий летний вечер. Крестьяне возвращались с дальних покосов, ленивый рыбак тащил дырявый свой невод, служа посмешищем деревенских мальчишек.

Но вот появился обезумевший приказчик Иван Зотов с белым зонтиком и соломенной шляпкой Кати – шестнадцатилетней дочери гна Кошеева. Родители не скоро могли добиться от него хоть одного вразумительного слова. Наконец приказчик сказал, что видел, как какие-то люди в черных масках бросили девушку в высохший колодец. Он кинулся на помощь несчастной, но его помощь уже не потребовалась.

Обезумевшие от страшного известия родители снарядили целую экспедицию из дворни и даже послали за фельдшером в Айбашеву, к г-ну. Ландсбергу. Увы, когда несчастная девушка была с большими трудами извлечена из колодца, она не прожила часа.

Расследование преступления возглавил уездный пристав Ц.А. Боборыкин. Приказчик, как единственный

свидетель сего бессмысленного и ужасного злодеяния был взят под охрану караула и препровожден в полицейскую часть до выяснения всех обстоятельств дела.

В настоящее время полиция делает все от нее зависящее, чтобы найти и изобличить убийц. Со своей стороны редакция газеты обязуется извещать читателей о ходе расследования.

Иван Петрович развел руками.

– Больше никаких заметок не последовало. В ноябре 1917 года «Уфимские губернские ведомости» были закрыты. Но... зато...

Учитель вынул из шкафа еще один предмет – старую тетрадь в картонном переплете – и произнес с таинственной важностью в голосе:

– Если моя догадка верна – это дневник Кати Кошечевой. Разумеется, копия. Оригинал хранится в центральном архиве города Уфы. Его обнаружили в 1954 году, во время перепланировки классных комнат.

– Хотите послушать?

– Конечно! – хором сказали Митя и Аленона.

Иван Петрович кашлянул, чтобы прочистить горло, и начал читать.

1

Мая месяца пятого дня 1892 года. Здравствуй, мой милый дневник. Вчера со мной приключилась любопытная оказия. После обеда, как обычно, папá отправился с приказчиком договариваться с рабочими, а я осталась с мадам Гаррет вышивать салфетку. Я решила изобразить раскачивающуюся на ветру ветку сирени, но никак не могла придумать, как это сделать. И тут я посмотрела в окно и увидела, что ветер сорвал несколь-

ко лепестков и понес их, будто маленькие лодочки, по воздуху. Я захлопала от радости. Вот и отгадка! Мадам Гаррет выругала меня за то, что я не умею «сдерживать своих эмоций» и веду себя как маленькая девочка.

Мая месяца десятого дня 1892 года. Весь день было пасмурно. К папá приходил приказчик. Он долго топтался в прихожей. Карл Фридрихович стал ругаться, что Иван натаскал много грязи. Приказчик только качал бородой и говорил: «Мне было велено в прихожей, вот я и стою». Хотя Карл Фридрихович не любит Ивана и всячески поносит его, он мне нравится. Иван такой же добрый как папочка, и не обманывает крестьян.

В прошлом году в деревню приходил тощий студент. Он начал агитировать крестьян. Когда русские пригрозили, что выдадут его властям, студент пошел к черемисиным и татарам. Те приняли его за коробейника. Вправду, у студента были книжки, но все пропагандистские. Мама, узнав, что делается у черемисинов и татар, послала за земским начальником г-ном Боборыкиным. Он приехал к заутреней с отрядом драгун...

Потом г-н Боборыкин сидел у нас в гостиной и слушал, как я играю «О, ма шарман». От волнения у меня пропал голос. Г-н Боборыкин сказал, что французские песни очень хороши, но русские куда лучше. Тогда папá похвастался, что я знаю номера из «Аскольдовой могилы» и «Лесты». Вот мне пришлось, как говорит Иван, «инда взопреть». Я играла, а папá пел арии Неизвестного и Видостана:

Для вас нигде не будет места
Не будет радости земной.
Погибнешь ты, твоя невеста
С тоски умрет в неволе злой!

Где теперь я не бываю
Только лишь всегда страдаю
Лесту все воспоминаю
И всечаасно я грущу!

После обеда взрослые «налегли» на персиковую наливку. Г-н Боборыкин сказал, что сыграет «Среди долины ровныя». Хотя он страшно фальшивил, мама осталась очень довольной его игрой. Всем было весело, только Карл Фридрихович не смеялся, а все о чем-то думал.

2

Мая месяца двадцатого дня 1892 года. Сегодня утром я подошла к зеркалу и долго-долго смотрелась в него. Кто это прекрасная барышня в голубенькой пелерине? Это – я. Открытие столь же до смешного наивное, сколь потрясающее. Подумать только, еще год назад я была совершеннейшим ребенком, а теперь, посмотрите на меня, на мой непреклонный взгляд, на волнующий блеск тонких бровей, я – взрослая барышня! И хотя мы только один раз были в губернской столице и я не видала никакого театра, кроме «Елены Прекрасной» и «Кедрилы-обжоры», я уже знаю много о таком, о чем неприлично писать в дневнике... Как признается г-н Перцев в своих чудесных стихах:

В сиянье юнаго мечтанья,
В просторе жизни тесно нам.
Мы рвемся полны упованья
К иным, далеким берегам.
Но вот нас жизнь властью строгой
Заставит пыл души смирить,
Смотреть на будущность с тревогой
И тень прошедшего любить.

О «Елене» не хочу много говорить. В ней играла мадемуазель Синичкина – в высшей степени вздорное и капризное существо, несмотря на свой изрядный возраст и наличие, страшно подумать, какой-то карикатуры на поклонника – г-на Кобылкина.

О последней пьесе, милый дневник, я должна рассказать обстоятельнее. Ее давали на площади, во время ярмарки в Базаново. Съехалась куча народа, большей частью крестьяне и скупщики зерна, но было несколько уездных гимназисточек в соломенных шляпках.

Папа с приказчиком ушли утром. Я и мама остались с кучером и Карлом Фридриховичем. Наш бедный немецкий учитель все шикал на грубых крестьян и зло потешался над инородцами. Только один татарский священник, называемый муллою, произвел на него впечатление своей важной походкой и огромной, как гриб, зеленой чалмой. Карл Фридрихович сказал, что такие чалмы имеют право носить только те магометане, которые посетили Мекку. Мулла в самом деле оказался очень забавный. Он был похож на чародея из ирвинговской «Альгамбры»: у него была белая борода и крючковатый нос.

Наши русские бабы в синих бумажных платках, почерневшие на солнце, крикливые, в толстых онучах, вывели Карла Фридриховича из терпения так, что он начал размахивать тростью. Маме пришлось сделать замечание.

Читатель робких излиятий моей неопытной души! Соблаговоли представить роскошную картину провинциального дня в Базаново. Пыльная площадь залита солнечным светом. Посреди стоит запряженный экипаж. Все взоры обращены на его лакированные дверцы с дворянским гербом. Однако для сидящей в

нем барышни (то есть меня) куда интереснее развешанные на высоких шестах красные сапоги, оглушительный вой расписных гармоник, танцы, ужимки мужчин в черных камзолах и картузах с новенькими блестящими козырьками...

Но я продолжаю.

Сыграли увертюру «Ах вы сени, мои сени» и подняли занавес. Трактирщик ввел в комнату барина в плаще с бобровой опушкой, в круглой исковерканной шляпе. За ним вошел его слуга Кедрил с чемоданом и с завернутой в золотистую бумагу курицей. Кедрил был в полушубке и лакейском картузе. Трактирщик предупредил, что в комнате водятся черти, и скрылся. Барин мрачный и озабоченный принялся бормотать про себя, что он это давно знал и велел Кедрилу разложить вещи и приготовить ужин. Услышав о чертях, Кедрил задрожал как лист.

Пока Кедрил возился с чемоданом, барин ходил в раздумьях по сцене. Кедрил строил рожи, говорил а партé и смешил зрителей. Ему было совсем не жалко барина. Он только хотел узнать, почему тот не насвистывает своего «О каре кампаре». После долгих расспросов барин, наконец, признался слуге, что семь лет назад в какой-то нужде обратился за помощью к силам ада, и черти помогли ему, но теперь пришел срок и, может быть, сегодня же они придут за его душой. Кедрил здорово струсил. Но барин, не теряя бодрости духа, велел приготовить ему ужин, а сам, закулив трубку, стал смотреть в окно. Услышав про ужин, Кедрил оживился, и принялся накрывать на стол, то и дело отщипывая от курицы и отхлебывая из бутылки с вином.

Вот скрипнула дверь, ветер застучал ставнями. От испуга Кедрил поперхнулся куриной ногой.

«Готово ли?» – спросил барин.

«Сейчас, сударь... я вам... приготовлю», – ответил Кедрил, сел за стол и принялся преспокойно уплетать барское кушанье.

«Кедрил, скоро ли ты?» – закричал барин.

«Готово-с!» – бойко отозвался Кедрил, спохватившись, что барину почти ничего не остается.

Барин, мрачный и озабоченный, ничего не замечая, сел за стол. Как только он взялся за вилку и нож, появились черти.

– Кедрил! Спаси меня! – закричал барин.

Кедрил от испуга полез под стол, впрочем, не забыв прихватить остатки ужина. Черти подхватили барина и понесли в ад.

Когда в комнате все затихло, Кедрил вылез и, сев за стол, стал пировать, радуясь тому, что «барина черти забрали». Однако его счастье продолжалось недолго. В то самое время как Кедрил налил себе очередной стакан, возвратились черти и, крадучись сзади на цыпочках, вдруг набросились на него. От ужаса Кедрил закричал во все горло. Наконец черти унесли несчастного слугу. Занавес опустился, публика засвистела, захлопала. Оркестр заиграл камаринскую.

В продолжение всего представления Карл Фридрихович был очень весел, хотя его и порядком рассердили стихи раешника-зазывалы, особенно то место, где говорилось о Бисмарке и о том, как тот точит зубы на остзейский край:

А вот, извольте видеть, город Берлин!
Живёт в нём Бисмарк-господин,
Его политика богата,
Только интригами таровата!

В Неме́тчине народ гру́бый,
На всё точит зубы.
Им давно хочется
На балтийский край броситься.

Потом я стала уговаривать маму пойти посмотреть медвежью комедию. Но тут она решительно воспротивилась, сказав, что это дикое и ужасное развлечение совсем не годится для юной барышни как я, что она и без того сожалеет, что согласилась смотреть глупую пьесу а ля Дон Жуан.

3

Июля месяца пятого дня 1892 года. У нашего доброго приказчика объявился сын Андрей, да какой! Лицом настоящий турок, совсем не похожий на Ивана. Он приехал утром. На нем была шапочка с полинялым фазаньим пером и зеленый кафтан. Карл Фридрихович сказал, что так одеваются венгерцы и трансильванские немцы, да и то, самые что ни на есть дикие горцы.

Когда папа спросил Андрея, какой он веры, Андрей сказал, что православной. На этом разговор закончился. Я подумала, что Андрей что-то вроде Мирамонда, авантюрист без роду племени. Его взор черен и мрачен, как сгустившиеся над морем тучи. Я слышала, что у приказчика была жена. Она умерла родами. Когда ребенок подрос, Иван отдал его учиться в бурсу, а сам перебрался в Уфимскую губернию. Кто бы мог подумать, что из бурсака может получиться первоклассный коммерсант!

Тем же вечером Андрей, по настоянию маменьки, был приглашен к столу. Он пришел в европейском костюме, наконец расставшись со своим ужасным трансильванским кафтаном. Андрей неплохо говорил

по-русски, хотя легче всего ему было изъясняться на немецком. Я услышала много разной чепухи, ту, которую болтают купцы в лавках: об эмансипации, о блузах, носимых вместо корсажа, шляпках, ценах на ткани и таможенных чиновниках. Мне стало скучно. Рассказы о лембергских цыганах понравились гораздо больше. Особенно впечатлила история Гожо, конокрада из Лодомерии.

История Гожо

Однажды, приехав в табор к своему другу, Гожо встретил гордую красавицу Райду. И в его сердце разгорелся страшный пожар. Он сказал Райде, что возьмет ее замуж, если она будет во всем послушной ему. Райда только рассмеялась в ответ. И тогда Гожо ушел мрачный и задумчивый в степь, к большому белому камню. Там он сидел до заката солнца. Наконец за ним пришла Райда и сказала: «Я люблю тебя, Гожо, потому что ты настоящий мужчина. Нет никого красивее и ловчее тебя по обе стороны Карпатских гор. Но я тоже ценю свободу. Знаешь, сколько богатеев сваталось ко мне? Итак, я стану твоей женою, но ты будешь должен завтра, прилюдно, поцеловать мне правую ногу!» Побагровел Гожо, ибо это было бесчестьем для цыгана. Еще ни разу не случалось такого в Лодомерии. Но, пересилив себя, Гожо сказал: «Я сделаю все так, как ты скажешь, потому что я больше не хозяин своему сердцу».

Наступил новый день. Весь табор собрался смотреть на то, как будет ронять свою честь первый цыган. Подошел Гожо к Райде, побледнел, затрясся и вдруг со всей силы вонзил ей нож в грудь.

Оба, сжимая друг друга в объятьях, упали на землю. Райда, вынув нож из раны, тихо сказала: «Я знала,

что ты так поступишь, Гожо», и умерла. Табор онемел. Один только отец Райды не растерялся. Испустив дикий стон, он подобрал нож и вонзил его в спину убийцы.

Июля месяца шестого дня 1892 года. Еще никогда я не испытывала такого сильного разочарования. Как можно, приехать к юной барышне, пусть под благовидным предлогом навестить «землевладельца Кощеева», а самому вдруг настолько увлечься темой разговора, что на целых два часа застрять в курительной комнате.

И какой ты думаешь, милый дневник, был избран предмет для спора? Январский пожар в Софьином саду, нашумевшая постановка труппой Семенова-Самарина гоголевского «Ревизора»? Ничуть! Критический разбор нового «Городового положения»! Папа было робко взялся отстаивать осторожность г-на Толстого, но Валентин с таким гневом обрушился на замену налогового ценза имущественным, что мне показалось, речь идет о том, что кто-то нанес ему личное оскорбление.

Когда Валентин вышел ко мне, его лицо пылало негодованием. Ничего не замечая, обращаясь словно не ко мне, он стал грозить расправой полицейским чиновникам. Когда я заметила, что его обвинения, мягко говоря, голословны, он рассказал мне о вопиющем случае произвола властей.

В бирской пивной лавке полицейский надзиратель Ладыгин и два полицейских служителя, угрожая револьвером, избили одного посетителя. В ответ пятнадцать рабочих, присутствовавших в лавке, напали и избили надзирателя. Губернское правление предало Ладыгина суду по обвинению в преступлении, но Правительствующий Сенат оправдал негодяя.

Я возразила, что мне неинтересна политика, хотя как всякая уважающая себя современная девушка я, конечно,

не стою в стороне от возбуждающих интерес интеллигентного общества проблем. Валентин скривил рожу. Моя последняя фраза рассмешила его. «Интеллигентное общество?» – воскликнул он и в его голосе прозвучала издевка. «Да где вы его видели? Не в уездном ли городе, где, о, какое достижение цивилизации угля и пара, две фотографии, две книжные лавки, одна, целая одна библиотека и еще какойто склад с учебными книгами!» Я возмутилась: «Мещане довольствуются «Милордом» и «Ерусланом Лазаревичем». Что до прочих сословий, то у крестьян и даже иноверцев магометан и черемисинов свои песни».

На этот раз мой собеседник приутих. «Простите меня», – сказал он, потупив темный, но вдруг сделавшийся нежным, взгляд. – «Я думал, что вас вдохновляет какая-нибудь сентиментальная дрянь из «Нивы». Это признание, а еще более чудесно изменившееся лицо, страшно польстили мне и одновременно подбили на маленькое хвастовство. «Тогда скажите мне, каково ваше мнение о статье г-на Владиславлева о капитализме?» Валентин рассмеялся. «Нет, я лучше прочту вам стихотворение.

Ты плакала много, ты много страдала,
Невинная крошка, голубка моя.
Тебя не любила, тебя не ласкала,
Кормившая хлебом чужая семья.
Росла ты ребенком, не зная привета,
Изведавши рано всю горечь скорбей...»

Ну и так далее, все в том же фальшивом духе слезливых повестушек.

После этой напыщенной декламации мы оба рассмеялись. Пошлый мелодраматизм стихотворения ока-

зался лучше натянутых шуток. Мы отправились гулять в сад, по которому только недавно прошла гроза. Белые лилии раскрытыми конвертами лежали на дорожках. От росы мое платье вымокло, но я не очень огорчилась такой неприятности. Валентин забыл о своих гневных речах и, ударившись в философию, начал излагать теорию какого-то Тарда о том, что все новое в истории не что иное, как подражание, проявляющееся в форме обычаев или моды.

Потом мы, с позволения мамочки, пошли в малую гостиную читать журналы. Взяли январский номер «Нивы». Страницы нудного исторического романа были пропущены, наше внимание целиком сосредоточилось на рисунках. Я отметила «В город на работу», который изображал охтенку с маленькой дочерью. Валентин, как и подобает молодому человеку прогрессивных взглядов, заинтересовался «Пятой чайной общества трезвости Санкт-Петербурга». Разумеется, он остался совершенно неудовлетворен бодрым тоном примечания к рисунку и сказал, что хотя чайная полна рабочих, это ничуть не мешает пьянству и, более того, говорит о действительно широчайшем распространении этого порока в народной массе.

День был заключен прогулкой вдоль Карана. Освещенная солнцем вода играла на глиняных склонах; прибрежная зелень колыхалась как полотняная лента, долженствующая изображать днепровские волны в «Русалке». Валентин шел со мной под руку щурясь и все больше молчал. А потом мы внезапно разговорились. Да как! Он начал рассказывать про Москву, про веселую студенческую жизнь. Мне пришли на ум страницы «Пересмешника», живописующие нравы столичной богемы времен Миниха и Екатерины. Но, конечно,

я не стала признаваться в своей любви к историческим сочинениям. Впрочем, на мой взгляд, в них гораздо больше жизни и толку, чем в бесконечных романах, так чудесно высмеиваемых Антошей Чехонте.

4

Июля месяца седьмого дня 1892 года. Ездили в деревню. Там был пожар, сгорела русская изба. Одна женщина с обгоревшим лицом ходила по пепелищу и все спрашивала, не видел ли кто ее мальчонку? Мужики принесли ломы и разворошили подпол.

Папá сказал Ивану и старосте, чтобы мир устроил несчастную. Он хотел увести маму, но она сказала, что хочет посетить лечебницу.

Фельдшер Пахомыч встретил нас в потемневшем от масляных пятен халате и руганью в адрес кучера Петьки, по недосмотру напоившего лошадь водой из ручья. Далее нам предстояло узнать о том, что в нынешнем году скарлатина, тиф, корь, повальное воспаление легких, приняли особо угрожающие размеры. Разошедшись не на шутку, Пахомыч стал винить во всем скученность в крестьянских семьях, плохие условия жизни, недостаточное питание, не соблюдение элементарных правил гигиены. Чего стоил один ужасающий факт, что в 1871 году в Николо-Березовке от чумы умерло 294 человека!

Затем мы прошли в палату. Больных было немного. Все они, чистенькие, в белых колпаках, лежали на кроватках с табличками, на которых значился подробный диагноз. Мне кажется, что все это плутни и потемкинские деревни. Впрочем, сам фельдшер не успел привести себя в порядок. Я слышала от приказчика, что в лечебнице яблоку не где упасть, больные спят в ко-

ридорах, между связок луку и чесноку. Под кроватями ходят гусята и прочая мелкая живность. Ах, как нам не достает еще архива и откармливаемой в нем к Рождеству свиньи!

Я остановилась возле кровати с девятилетней девочкой. Ее зовут Марфой. Она совсем сирота. Ее привезла мать, а потом сама скончалась. Пахомыч, конечно, поспешил расписать всю тяжесть положения, надеясь на сердечную щедрость мамы. Мне пришлось достать кошелек и вынуть из него рубль серебром «на устройство и попечении сиротки». Разумеется, я была готова отдать все, что у меня было, все свои сбережения. Но я прекрасно знала, что как только мы уйдем, Пахомыч непременно присвоит себе щедрое даяние. Я видела, как хищно блеснули его глаза. В сущности, он неплохой человек, но доброта и нетребовательность приказчика совсем развратили его. Ах, если бы я была мужчиною, я бы непременно навела порядок в имении. Правда, теперь у папá появился советчик – Андрей.

Как некстати пришла на ум мысль о нем... Он пугает меня.

Июля месяца десятого дня 1892 года. Нынче вечером была страшная гроза. Я сидела в гостиной, у окна, когда рядом ударила молния. Прежде чем раздался гром, я очутилась на полу. К счастью, стекло выдержало. Папá устроил мне нагоняй, я заспорила, потому что мне было обидно, что меня отчитывают как маленькую. Дело в том, что я не люблю рисовать при свечах, а мне во что бы то ни стало надо закончить головку Марфы...

После ужина мы собрались в гостиной. В камине уютно горели дрова, часы только что пробили одиннадцать. За окнами смеркалось. Никому не хотелось идти в постели, и тогда мама попросила Андрея рассказать ка-

кую-нибудь историю духе госпожи Радклифф. Андрей с готовностью отозвался на это предложение.

– Дело было под Лембергом. Раз ночью шел мимо церкви школьный учитель и попался навстречу разбойникам. «Знаешь ли ты, – спросили разбойники, – где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?» – «Знаю, ее похоронили в церковном склепе». Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою.

Наконец они пришли к церковному склепу, выломали из окна железную решетку и спустили туда на ремнях школьного учителя. «Открой, – говорят ему, – гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда».

Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не дает кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают: «Отруби-ка ей палец!» Учитель поднял нож и как только отрубил палец – в ту же минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом: «Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!» На ее голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

Разбойники услышали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гробы и ставить один на другой, чтобы по ним на хоры взобраться. Учитель тем временем нашел длинный шест и давай гробы сваливать: в такой работе провозился он до полуночи;

а как ударило двенадцать часов – мертвецы разобрали свои гробы и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больно-го; пришел священник, исповедал и причастил его, и вслед за тем учитель помер.

История Андрея возбудила любопытство папá, и он вызвался рассказать одну русскую быль.

– В N-ском полку, во времена Анны Иоановны, служили два молодых офицера; жили они весело, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли – все равно.

Через год после того заболел один офицер и умер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался с гостями и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить коней. «Я, – говорит, – пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!» Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». – «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему стакан вина, он выпил. «Пей, милый, еще!» Выпил другой стакан. «Ну, дружище, выпей и третий да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третий стакан, да не весь.

Покойник простился со своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни гостей, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в город – и город уже не тот; на домах красно-сине-белые флаги, дамы в кофточках, кавалеры в картузах и котелках. Парики и треугольные шляпы разве что одни лакеи носят.

Пошел к священнику – и священник не тот: рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что полтора года тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

5

Июля месяца пятнадцатого дня 1892 года. Произошло то, чего я опасалась больше всего, знакомство Валентина с Андреем. Валентин конечно нашел последнего совершенным злодеем, признавшись, что таких шаромыжников, обирающих помещичьи имения до нитки, он частенько встречал в Западном Краю.

Эти обвинения, конечно, послужили поводом для страстной и проникновенной речи в защиту общины и героического мужества народников. Я не выдержала и рассказала о тощем студенте. Валентин ответил стихотворением о несправедливом турецком султানে. Это сильно раздражило меня. Пусть я провинциальная, неразвитая, но это еще не повод разговаривать со мной как с маленьким ребенком.

Чтобы немного позлить Валентина, я достала из шкапа номер «Родины» с рассказом какого-то И.А. о первой любви гимназиста Мити к ученице третьего

класса Александре Брянцевой. Валентин, в запальчивости, назвал все это чарской глушью и дичью, хотя и отметил известную иронию автора. Он достал из чемодана какие-то брошюры и даже листовки, обрушив на меня саркастическую продукцию российских Вольтеров и Мирабо.

Июля месяца двадцатого дня 1892 года. Папá приехал из Уфы. Он был там не один, а с Андреем. Сначала папá был страшно не в духе, но потом, после обеда, повеселел и стал знакомить нас с нелепыми объявлениями из «Губернских ведомостей». Вот, полюбуйся, милый дневник:

О продаже имений в Уфимской губернии. От судебного пристава Уфимскаго окружнаго суда Г.С. Боровскаго. № 174. На основании 1030 ст. уст. гражд. суд., объявляется, что 28 ноября сего года, в 10 часов утра, будет произведена публичная продажа движимаго имущества, оставшагося после смерти Марии Ивановой Высоцкой, заключающагося в рояле. Имущество оценено в 350 руб., но, на основании 1070 ст., может быть продано ниже оценки. Продажа будет производиться в помещении 2-й полицейской части гор. Уфы. Особливое замечание: покупателям ступать осторожнее, ибо пол в оном помещении изобилует неровностями, образовавшимися по причине необыкновенно сырой весны.

«Нет, вы только подумайте! – возмущался папá так, как только он умеет возмущаться, то есть иронически. – И когда только наши отечественные Пилаты наконец научатся врать, что называется с полным пониманием дела. А то ведь черте что получается, господа! Ну, в самом деле, зачем они написали это особливое заме-

чание? Ну да если написали, то зачем нужно было так гнусно врать про какую-то весну? Даже последнему будочнику известно, что пол застелили гнилыми досками, в то время как новые доски отправились на демскую дачу господина Боровского. И это все, между прочим, при полном одобрении Льва Егорыча».

Андрей рассказал нам массу забавного. Сначала разговор зашел о царящей в городах нашей губернии нечистоплотности. Особенных «похвал» удостоились Белебей и Стерлитамак, самые грязные города во всей империи. Однако даже Уфа не могла похвастать совершенной чистотою. Чего стоила напечатанная в «Ведомостях» заметка о том, как на Верхне-Торговой площади утонула целая телега!

Как коммерсант он не смог пройти мимо слухов о недавней прокладке Самаро-Златоустовской железной дороги. Некий господин Черников, компаньон и доверенное лицо миллионщика Кастерина, не хотел давать согласия на отвод принадлежащих ему земель. Соглашение было найдено совершенно неожиданным способом. Упрямый господин пожелал, чтобы в его честь была названа одна из железнодорожных станций.

Папá сказал, что он бы ни за что не поступил таким образом. Сомнительно, что Уфа будет развиваться в северо-восточном направлении. Где видано, чтобы города вытягивались на 20 с лишком верст вдоль реки? Хотя места там ровные, кому придет в голову тащиться до владений Курочкиных или Тимашевых? Да и что там можно найти, кроме господствующей над окрестностями безлесной горы? Она интересна разве что в археологическом отношении. Если верить статьям господина Игнатьева, эта гора в далеком прошлом служила местным башкирцам чем-то вроде дозорной вежи.

Июля месяца двадцать пятого дня 1892 года. Я знаю как нехорошо подслушивать, но в том не было моей вины. Я случайно проходила мимо кабинета папá, как вдруг дверь от сквозняка приоткрылась, и я услышала резкий, капризный голос Андрея: «Владимир Григорьевич, вы же знаете, это совершенно невозможно! Кредиторы неумолимы. Остается только одно средство». Я замерла, не в силах пошевелиться. «За кого вы меня принимаете, господин Зотов?» – раздался голос папá. – «Я дворянин, и не позволю торговать принадлежащими фамилии Кошчеевых реликвиями!»

Я похолодела от ужаса. До сих пор я считала, что положение нашего имения самое лучшее в уезде. И тут мне припомнились странности последнего лета: во-первых, меня раньше срока забрали на каникулы из гимназии; во-вторых, мы совсем перестали выезжать к соседям...

6

Сентября месяца пятого дня 1892 года. Как я долго не писала! И было отчего. Кто бы мог подумать, что это произойдет? Дуэль, нелепо даже вымолвить, между Валентином и Андреем! Я совсем не могла ожидать подобного безрассудства от господина Корфа. Вот уж кто должен был заявить, что не станет участвовать в средневековой комедии. Было все: и пестрая толпа в прихожей, завывающая ничуть не хуже, чем хор из «Евгения Онегина» и...

Они сошлись на веранде, куда все мы вышли по случаю теплого вечера. Как всегда, после разговора с приказчиком, папá начал говорить о том, что не худо бы закупить паровую сеялку. Тут речь зашла об остзейских баронах, которые давно поставили производство

продуктов на промышленную основу. Андрей высказал осторожное предположение, что они не так уж плохи, как привычно рисует их «социал-демократическая» печать. Валентин посмотрел на него, как на человека, сказавшего ужасную глупость, но смолчал. Он достал глиняную трубку и стал выпускать такой отчаянный дым, что Андрей сделал ему замечание. Тут Валентин вспылал. Последовал панегирик Базарову. Андрей рассмеялся и сказал, что читал романы г-на Тургенева, но они не произвели на него никакого впечатления. Валентин спросил, что же ему в таком случае по нраву. Андрей, подумав, сказал, что в простом сказании о фее Мелузине он находит куда больше смысла и поэзии, чем во всех «идейных» романах вместе взятых. Валентин, не изменяя холодного выражения лица, назвал его ослом и феодалным прихвостнем. На веранде повисло молчание. Андрей глупо улыбнулся, мы уж подумали, пронесло, а потом ударил Валентина лайковой перчаткой по щеке.

«Господа, господа!» – попытался урезонить их папá. – «Только не здесь, не в моем доме».

Но было уже поздно. Валентин побледнел.

«Я требую сатисфакции».

Андрей рассмеялся.

«Что ж, вы ее получите».

Нет, прости, милый дневник! Все было не так!

Еще с утра стали собираться гости: на тарантасах, колясках; кто-то из Бирска прикатил в карете. Вот только самый краткий список гостей, тех, которых я, по крайней мере, до того видела: Баумгартены из 2-го Шамсудиновского, Ландсберги из Москова, Шишковские из Красного Холма, Грековы и Спасские из Андреевки, Зеленцовы из Леуна.

Горничные и сенные девки разносили варенье в бумажных чашечках, отец Федор, задумчивый до чрезвычайности, сидел под липами и большими глотками пил чай с медом. Против него, сверкая крестами на пыльном вретисе, стоял инвалид с мальчиком сыном и кланчил копеечку.

Я играла в саду в волан с мадемуазель Синичкиной. Потом ей сделалось худо оттого, что она забыла надеть перчатки. В ответ на мое недоуменное восклицание, она назвала меня грубой крестьянкою. Я, вопреки ее чаянью, совсем не обиделась, мне даже было лестно такое сравнение. Быть плотью от плоти родной земли, ее просторов, дышать тем же воздухом, которым дышит народ, кажется мне естественным.

Обед был как всегда феерически долгим и обильным. И как только в мужчинах может вмещаться за раз столько еды! Гости все не выходили из-за стола, произносили шуточные тосты. Г-н Боборыкин без конца восторгался стерляжьими котлетами и паштетом из гусиной печени, который был почти совершенным фуа де гра.

Наконец, после послеобеденных прогулок, посещений купальни, начались танцы. Уже изрядно вечерело. В большой зале зажгли фонари. Светляки белыми стаями кружились вокруг них. Андрей явился весь на помаженный, в темно-зеленом щучьем фраке с батистовыми разводами. На его груди сверкала золотая цепочка. Вначале он скромно стоял у стены, потом отошел в комнаты к не любившим танцы игрокам в вист. И вот, когда в предвкушении приглашения я стояла, потупив взор, он подошел ко мне. От неожиданности я механически протянула ему руку.

Дальше все было как во сне: переливы маленького, составленного больше чем наполовину из пригла-

шенной дворни оркестра, шелест юбок, рожицы неизвестно откуда явившихся во множестве гимназистов, с нелепо прижатými к талиям девушек фуражками... Андрей шепчет мне на ухо: «пани, великолепная пани»; его пальцы не грубые, не сильные, но какие-то цепкие и необычайно короткие, прожигают тонкую материю платья...

Как только танец закончился, я некоторое время стояла, переводя дух, а потом вдруг увидела, как Валентин ударил Андрея...

7

Октября месяца первого дня 1892 года. Милый дневник! Ты, наверное, справедливо обиделся на меня за то, что я опять долго не писала. Но было отчего не писать. Валентин, как презирующий всякие дворянские условности, сделал исключение для папá. Он сказал, что не желает навлекать гнев властей на его голову и платить черной неблагодарностью за редкое гостеприимство. Собрав чемодан с бумагами, он только попросил разрешения оставить их в моей комнате. Папá стал уговаривать его пойти помириться с Андреем. Но все было тщетно.

Дворовый человек Степан отвез Валентина в черемисскую деревню. От него мы узнали, что Валентин долго не мог найти квартиры, крестьяне не хотели связываться с тем, «кого выгнали из барской усадьбы». Наконец счастье улыбнулось ему остановиться у какой-то локты – туземной колдуньи. По словам Степана, калитку открыла сгорбившаяся ссохшаяся, «чуть не покрытая мхом», древняя старуха. Ее имя было Кескекова. В переводе с финского наречия, это значит Змеиная Кожа. Ее кожа, вправду, показалась бедному Степану змеи-

ной, с каким-то особенным, как истершийся пергамент, отливом. Кескекова была в коричневом, с желтыми узорами, кафтане. Кафтан был здорово нечист, в каких-то перьях. Впрочем, чего следовало ожидать от колдуньи? А еще Степана поразила болтавшаяся у нее на поясе собачья кость.

Кескеова, увидав деньги, быстро согласилась поместить студента в своей избушке, больше похожей на ласточкино гнездо. Степан хотел уйти, но какая-то сила потянула его на внутренний двор, который зарос огромными, словно опахала из представления «Клеопатры», лопухами. Бани не было. Сама хижина стояла на каких-то столбах, одним углом завалившись, будто задремавший на посту старый драгун, на бок. Кескеова повернулась спиной, и Степан увидел, что задняя часть ее кафтана зияет прорехами.

В самой хижине не оказалось никакой, даже самодельной мебели. Возле подобия окошка, точнее говоря, вставленного в стену треугольного осколка стекла, стоял табурет. Рядом находилась лежанка. Сам Валентин должен был спать на охапке сена в сенях. Печь, маленькая, кривая, как и во многих старых черемисских домах, стояла устьем к двери.

Валентин попросил старуху чем-нибудь накормить его. Ведьма выпучила на постояльца красные глаза, а потом, получив очередную подачку в виде зеленого медяка, достала из печи горшочек с мутным бульоном из рыбы и требухи.

Октября месяца пятого дня 1892 года. Мне кажется, что Иван сильно изменился. До сих пор он был спокоен и глуп. Но теперь вдруг почувствовал себя обиженным. Влияние Андрея сделалось решительным. Сам Андрей появляется редко, а если и появлялся, то

говорит только о закладных. Он подолгу запирается с папá в кабинете.

Под разными предлогами мы с мамой навещаем Валентина в деревне, хотя папá очень сердит на него.

О дуэли ничего слышно, и мы уже думаем, что все постепенно уляжется. Валентин, как только мы спрашиваем его об этом, выказывает на лице такое неудовольствие, что мы спешим перевести разговор на другую тему. Крестьяне, видя наше расположение к молодому изгнаннику, вздыхают о пожертвованиях. Но все же никто не хочет портить отношений с «добрым баринoм». О чем мы говорим? Мы... вернее, я с Валентином. Мама вполне уверена в его благородстве и поэтому позволяет нам прогуливаться вдвоем, хотя, конечно, у нее на виду, дабы не дать повода к досужим пересудам. Но какие пересуды среди крестьян? Ведь Валентин для них все равно, что барин.

Сегодня мы говорили о сильных страстях в русской литературе. Это единственный предмет, пусть и косвенно задевающий тему дуэли и поэтому интересный и безопасный одновременно для нас обоих. Валентин восхищался Бестужевым-Марлинским. Особенно его впечатлил «Замок Веден». Повесть была написана решительно в духе Эдгара По, волшебника с берегов Потомака. Как живой стоял передо мной благородный рыцарь Вигберт фон Серрат, крадущийся к своему оскорбителю – магистру Ливонского ордена, наместнику Рижского епископа, Родольфу фон Рорбаху. Дикое понятие чести возмущало Валентина не меньше, чем автора повести, но он всецело присоединялся к его восхищению смелостью и отвагой рыцаря, предпочетшему мучительную казнь житью с опозоренным именем. А уж содержащееся в повести осуждение угнетения эстов

ливонскими феодалами делало из нее настоящую трибуну.

Ну а мне, сознаюсь, показались очень занимательными примечания автора. Например, сообщение о кладе князей Герсики. В 1208 году Альберт сжег Герсику, а князь оной Всеволод еле спасся бегством. Вероятнее всего, он погиб вместе со своими богатствами в дремучих лесах. Воспользовавшись случаем, я было завела речь о том, что Карл Фридрихович видел, как Андрей без конца ездит в лес. Валентин перебил меня: «Я не желаю говорить об этом господине».

Чтобы хоть как-то оправдаться, пришлось обратиться к исторической теме. Своим предметом я избрала совершенно русскую повесть Марлинского, а именно «Романа и Ольгу». Оба героя проходят через искушение безумной страстью, но остаются верны гражданскому и дочернему долгу. Кульминацией повести становится встреча Романа с разбойником. Узнав о том, что его пленник новагородец, сын свободного народа, разбойник не только отпускает Романа, но и клянется прийти к нему на помощь в трудную минуту.

Валентин не мог скрыть своего восхищения, когда я прочла ему сцену вызволения Романа из темницы. Надо отдать должное романтической кисти Марлинского. Торжество свободы над рабским коварством москвитов было изображено с искусством достойным гения...

Ноября месяца десятого дня 1892 года. Теперь, когда уже все позади, я, наконец, могу писать.

Дуэль случилась в канун Покрова, за три дня до страшного туземного праздника, которым так дорожат аборигены. Желтые листья, будто чулки актрис, брошенные среди зеленого бархату, покрывали поляну... Странное совпадение с шестой главой «Онегина» не от-

пускало меня ни на минуту, когда я слушала секунданта Валентина, монсеньера Джильёта: опоздание г-на Корфа, смущение... нет, конечно, не Зарецкого, а «расторопного малого» Стефана (не путать с дураком Степаном), привезенного Андреем из города, когда он начал говорить о методе, о «строгих правилах искусства»; сыплющийся струйкой порох; ввинченный кремьень...

Ах, конечно, я опять увлеклась. Были два нагана. Оба дуэлянта выстрелили в воздух. Никто не упал, и поэтому сравнение со снеговой глыбой, как равно скрытая цитата из Жуковского: «А юноши нет и не будет ужечно...» – остались без прямого употребления. Потом случилась попойка в доме лужавуя – черемисского старосты, по случаю туземного праздника нацепившего на голову высохшую рысью морду. Андрей и Валентин начали спорить о политике, они изничтожили теории друг друга, но, слава Богу, если и не сделались приятелями, то порешили взаимные претензии удовлетворенными. Но это все потом, потом...

А в тот день, вообрази, милый дневник, мое состояние. Прибегает Степан, кричит: «Стрелялись, окаянные!» – «Где?!» – кричим в голос с мамой. «Там-с, на опушке». А папы и Ивана как нарочно нет. Уехали в Базаново по какомуто делу.

* * *

– Здесь не хватает десяти листов, – пояснил Иван Петрович, переходя к последней странице дневника.

8

Мая месяца первого дня 1893 года. Утром – мы уже в Уфе. А это почти за двести верст от усадьбы! Мадемуазель Синичкина (у нее, как и у меня, годичные ка-

никулы по личным обстоятельствам) сказала, что я совсем сошла с ума. Оставив подругу в обществе тетушки и ее двух внучек, гимназисток из Мариинского училища, я отправилась на извозчике к ломбардному заведению. Хотя я совсем не знаю города, найти его оказалось очень просто.

Не будет большим преувеличением сказать, что все приличные заведения губернской столицы расположены вблизи Верхне-Торговой площади. В нее, как спицы в ступицу колеса, вливаются наиболее значительные улицы: Бекетовская, Большая Успенская, Центральная.

На площади царит страшная толчея. Вокруг разместились вся уфимская цивилизация: длинные ряды, трехэтажные дома. Тут и почта, и аптека, и палаты, и Дворянское собрание, и «Грандотель» с номерами. Напротив водозаборной будки красуется вывеска «Дамская портная», а обвитый сеном обруч и без вывески говорит понятливым людям, что здесь находится постоялый двор.

Не без робости я зашла в ломбардную контору на углу Большой Успенской и Центральной. К счастью, там не было никого, кроме конторского работника. Мне не стоило особого труда разговорить молодого человека. После необходимых объяснений, я описала ему похищенные из отцовского сейфа реликвии, и почти не удивилась, когда узнала, что неделю назад некий господин, «по акценту поляк или австриец», пытался заложить их, но получил отказ «вследствие ненадлежащего оформления необходимых бумаг»...

* * *

– На этом дневник обрывается, – сказал Иван Петрович, откладывая тетрадь в сторону. – Ну, а вам как? Понравилось?

– Конечно! Разве такое услышишь на уроках! – воскликнул Митя. От волнения, которое вызвало в нем чтение дневника, он совсем забыл о пергаменте.

Митя увидел, как умоляюще блеснули, словно провода после дождя, глаза Аленоны.

– Иван Петрович, я хочу показать вам одну вещь...

С этими словами она протянула учителю свою находку. Иван Петрович несколько раз провел по ней рукой.

– Любопытно. Откуда она у тебя?

Аленона притворилась, что вспоминает.

– В земле нашла, когда в прошлое воскресенье в лес ходила.

Иван Петрович задумчиво поскреб подбородок.

– Пергамент, кажется, настоящий. Два слова, если это слова, а не цифры или математические знаки, написаны арабскими буквами, а одно с использованием какого-то неизвестного алфавита. Но, скорее всего, мы имеем дело с чьим-то глупым розыгрышем, или мистификацией.

– А, по-моему, – сказала Аленона, – это карта, на которой Андрей, или кто-то из его сообщников указал, где спрятаны похищенные сокровища! Все улики ясно указывают на то, что когда Катя Кошечева попыталась раскрыть преступников, они сбросили ее в колодец на окраине Тартышево.

Иван Петрович, не выпуская пергамента из рук, поморщился. Его глаза стали холодными, неживыми, как пуговицы на морде плюшевой игрушки:

– Запомни, Забельская: история – это наука, поиск фактов, а не краткий курс по кладоискательству.

Стукнула дверь, и в комнату вошел Константин с чайником.

– Дискуссию устроили? Ну, Петрович это может.

Аленона, воспользовавшись случаем, выложила отцу историю с похищенными реликвиями. Выслушав дочь, Константин похлопал ее по плечу.

– Да ты у меня настоящий Шерлок Холмс.

– Пап, ты мне не веришь?!

– Конечно, верю.

– Иван Петрович, – пожаловалась Аленона учителю, – скажите ему, что это правда. Вы ведь все это про сокровища не сами сочинили?!

Учитель наморщил лоб.

– Правда. Только на твоём месте я бы не стал спешить с выводами.

– Сокровища? – переспросил Константин и громко рассмеялся. – Я и не знал, что ты у меня такая фантазерка.

– Папа!!

Митя увидел, как опасно, словно только что отлитые из стекла, засверкали глаза Аленоны.

Константин для виду выругался.

– Петрович, а что, попробуем? – нерешительно, как будто извиняясь, сказал он.

Учитель пожал плечами.

– Записку еще нужно расшифровать. К тому же, никакой гарантии, что клад до сих пор существует.

– Посмотрим! – усмехнулся Константин.

Глава XI. Сплетни

Еще толком не проснувшись, сквозь дрему, Митя услышал шум грохочущих в тазике с водой ложек и открыл глаза.

– С добрым утром, соня! – сказала Зоя. – Долго ты вчера ходил.

Она вытрясла на ладонь горсточку «Пемолюкса» и с какой-то залихватской силой стала надраивать бок алюминиевой кастрюли.

– Опять с Аленоной?

Митя зевнул, поморщился от лившегося через окно ярко-зеркального солнечного света и, скосив взгляд, посмотрел на цветастый бок подушки.

– С кем, тетя Зоя?

Женщина вынула покрытую каплями воды, будто заклепками, кастрюлю из тазика, поставила в шкаф и принялась за ложки. Вода тонкими струйками стекла по ее изящно крепким рукам.

– Ты знаешь, у нее мать гулящая? – сказала серьезно Зоя. – Она сейчас с другими мужчинами живет.

Митя, ничего не ответив, вскочил на ноги и зашлепал по холодному полу к умывальнику. Как любого мальчика его меньше всего интересовали подробности чужой семейной жизни.

– А где половики? – умывшись, спросил он.

– Во дворе висят.

Только тут Митя обратил внимание на открытые двери.

Отодвинув тазик с посудой, Зоя поставила на стол стакан с чаем и тарелку рисовой каши, сдобренную двумя пучками зеленого лука. Подкрепившись, Митя хотел улизнуть на улицу, но Зоя сказала:

– Сегодня пойдем собирать колорадских жуков.

* * *

Двор был завешан белыми, как киноэкраны, простынями. Половики и одежда сушились на отдельной веревке, протянутой между углом дома и сараем.

Выйдя в огород, Митя зажмурился от яркого света.

– Да тут всего ничего, тебе и мне по два ряда справа и слева, до конца, – сказала Зоя, указывая рукой до забора, за которым рос высокий, разлапистый, как искусственная елка, явор, от корней до макушки весь увитый хмелем. В голове Мити зазвучали ритмы «Рабыни Изауры». Зоя в остроносый профиль и бронзовую загорелость высоких скул очень напоминала надсмотрщика Франциску.

Следующие три часа прошли в автоматическом собирании колорадских жуков. Чтобы хоть немного отвлечься от убийственной монотонности хватательно-сгибательно-разгибательных телодвижений, Митя принялся разрабатывать классификацию жуков. Жирные оранжевые личинки с черными точками по бокам превратились в рядовых солдат; взрослые полосатые особи в карикатурных буржуев в черных цилиндрах и белых фраках; желтые яйца, словно нарочно откладываемые жуками на оборотной, белой стороне картофельных листов, во вражеские склады с боеприпасами. Тем временем солнце поднималось все выше и выше.

Наконец, в каком-то бархатисто-зеленом, как картофельные листья, беспамятстве сборщики жуков подошли к забору. Зоя дала отбой. Митя передал тете доверху наполненную жуками банку и взгромоздился на верхнюю перекладину забора. Отсюда он мог наблюдать длинную полосу сверкающих под солнцем кровель, росших возле домов деревьев – берез, лип, сосен и ив. Однако ему скоро наскучило наблюдать за ровными квадратами картофеля, расчерченными ниточками заборов и земляной груши. Повернувшись назад, Митя увидел явор.

Подобно сказочному зеленому дворцу дерево вздымалось над окружающими его растениями. Светлые струи хмеля представляли своего рода дождевые желоба; просветы между ветвями – оконные рамы; светлые ветви – машикули и контрфорсы. Примерно на середине ствола густая крона явора смешивалась с кронами молоденьких лип и берез. Окончательно спутавшись с ними, зеленым потоком она обрушивалась на веерообразные заросли орешника. Основание явора было полностью скрыто кустами калины, черной бузины и татарского клена. Даже яркие лучи солнца не могли пробиться через их сплетения. Оторопевшие от размаха и сложности древесной постройки, репейник, крапива, болиголов, росли поодаль, не решаясь перемануть границы забора. Только один наглый чистотел желтозелеными кружочками пролезал в гущу кустарника. Дальше, за явором, простиралась неширокая полоска светлых лугов. Покрытые пахучими, как дешевые духи, кашками и объеденным телятами клевером, они представляли естественную границу деревенских огородов. Через пару десятков шагов, луга скатывались в глубокий овраг, на дне которого звонко, словно оркестр перед началом спектакля, журчал родник.

После обеда пришла Тоня. На улице было жарко, и поэтому Мите расхотелось куда-то идти. Его ноги гудели как фонарные столбы в бурную ночь. Он скромно уселся на уголок дивана и стал наблюдать за тем, как Тоня без конца, будто флюгер, вертит свое конопатое лицо, как поправляет завязанный на затылке красный, с зелеными полосами, платок, то затягивая его ту же, так, что в верхней части он начинает напоминать мотоциклетный шлем, то почти распуская, высовывая наружу кудрявые темно-каштановые волосы.

Зоя упрашивала Тоню хлебнуть наскоро приготовленный картофельный суп. Если бы не тушенка и свежая зелень, он, конечно, был бы несъедобный. Однако гостье было не до еды. Ее язык не мог вытерпеть даже минуты простоя.

– И где только Макар такую гадость нашел? Я ему, дураку, сколько раз говорила: чего на колхозное заришься, разве они будут хорошим прыскать? Вода одна, да и только. Вон, в прошлом году сколько посадили, столько собрали. А я все к тому, что скупой платит дважды. Кугумаров Григорий какую-то отраву канадскую купил, раз побрызгал, теперь у него картошку никакой жук не берет.

– А как разводил-то? – поинтересовалась Зоя.

Тоня только махнула рукой.

– Чайную ложку на ведро.

– Чайную ложку! – выдохнула Зоя с выражением мистического ужаса на порозовевшем лице.

Исчерпав картофельную тему, такую же глубокомысленную, как речи Горбачева по телевизору, Тоня перешла к сплетням. Митя уже довольно неплохо понимал по-марийски, чтобы вникнуть в суть разговора.

– Вчера к Макару из Новодесяткино Василий при-
езжал...

– Какой Василий? Брат жены, или племянник?

– Брат жены. Ну, так вот, он сказал, что Зинка Разуваевская загуляла. Пример с мужа стала брать. А он-то, представляешь, опять отцовскую инвалидку разбил. Как только земля таких людей носит! На всем готовом живут. Колхоз о них заботится, продукты выделяет, а они плевать хотели. Кузьма как новую инвалидку получит, так сразу прокатится, пока в две недели не разобьет. У Варьки трое пацанов и дочка одна, Роза. Даром, что жрать дома нечего, а дочка ходит как невеста в клипсах. Уши оттянула до земли.

Зоя неожиданно всхлипнула.

– Тонь, почему все так не справедливо? А? У меня нет детей, а у этой шалавы Розочка-деточка!

– От ели только ель родится, – поспешила успокоить Тоня подругу.

Митя уже начал клевать носом, как вдруг следующий диалог привлек его внимание.

Зоя. Чего это вчера у Ивана Петровича во дворе дрались?

Тоня. Сама знаешь.

Зоя. Опять?

Тоня. Аделаида напилась и давай права качать. Вот бог счастьем наградил: жена тихая, скромная, – а теща такая, что под руки лучше не попадайся. Как-то я не удержалась, сказала Петровичу: «Чего ты терпишь? Врежь Аделаиде разок, может поласковее будет». Так он на меня попер, обозвал «болтливой обезьяной».

Зоя. Ах, твою мать, сам он гиббон проклятый!

Тоня. Ой, а ты слышала, Вичкыжан новенький трактор угробил? Пошел, как всегда, пол-литра искать, а земля под гусеницами обвалилась.

Зоя. Девочек жалко. Предколхоза опять его премии лишит.

Тоня. Ничего, зато из Лены и Инны хорошие невесты будут. Парням такие нравятся, голожопые. Такие первыми выскакивают. На работающую никто не посмотрит, а если носом умеет вертеть, – какому-нибудь парню голову задурит.

* * *

Через четверть часа после ухода Тони пришла Вера. Мите очень хотелось узнать что-нибудь об Иване Петровиче. Однако вместо этого ему пришлось выслушать целый ворох злобных сплетней. Впрочем, они не были лишены интереса.

Вера. Слушай, я опять вчера Тонькиного видела с доской. Куда только предколхоза смотрит.

Зоя. А ты не беспокойся, он своего не упустит. Пускай человек тащит, пока здоровье позволяет.

Вера. У Мурада сад вычистили.

Зоя. Валерка?

Вера. Он. Кому же еще.

Зоя. Брось, какой молодец... Вот у кого головы нет, так это у Радия.

Вера. Точно-точно.

Зоя. Какой брат, такие мать с сестрой. Ну, недаром, к ним Константиновская дочка ходит.

Вера. Бедовая девчонка. Опять всю ночь в сенях свет горел. Небось все с книжками сидела. Зачем читать столько? Коров пасти много ума не надо.

Зоя. А она, может, в институт собралась поступать, откуда ты знаешь?

Вера. Мне двоюродная сестра рассказывала. Был у нее знакомый профессор. Такой важный, ученый. А за дочками толком не смотрел. Одна по рукам пошла, спилась. Другая под машину угодила. Третья в дурку загремела, переучилась. Вот тебе и образование. Незачем голову всякой там философией забивать...

Зоя. Образованием только себе и навредишь. Зато другие будут спать спокойно.

Вера. Точно. (Понижая голос.) Слушай, помнишь, Кузьма Разуваев что-то по пьяни брякнул, когда Тулвика по улице, с клюкой шла? Так услышала ведь, чуть не с другого конца деревни, обернулась, клюкой взмахнула, так после того у Кузьмы рот перекосялся. Хоть старый был мужик, да ладный, а сейчас на лицо глянешь, тошно становится. Изуродовала, ведьма.

Зоя. Мне егерь, Ижбулдин, рассказывал, как мать Тулвики в лесу нашли. Один из сатурнеевских отправился в лес за диким медом. Пошел домой по старой сибирской дороге, видит на дереве, оно вроде коромысла выгнуто, девушку. Голую. Девушка ногами дрыгает, смеется и говорит ему: «Возьми меня с собой. Или я сделаю так, что ты не найдешь назад дороги». Мужик вначале перепугался, да видит, девушка хоть куда. Волосы кудрявые, черные, глаза большие, красивые. Девушка тут велит: «Подойди ко мне и сними с себя рубашку». Мужик сделал, как она хотела. Девушка спустилась, оделась в рубашку. Мужик и увез ее с собой.

Вера. Ну, не то услышишь от егеря. Помню, пришел как-то в ночное пьяный. Глаза в темноте как у собаки Баскервилей светятся.

Зоя. Каких еще Баскервилей?

Вера. А, вроде такие помещики в Англии жили. Их потом Шерлох Холмс с доктором Ватсоном из револьверов расстреляли.

Зоя. Как Игната, укрывателя зерна в 23-тѣм? А может они, как наши Кошечевы, в Америку умотали после революции?

Вера. Может. Да ты слушай. Вот приходит он и говорит: «Вчера шел мимо топляка, там, где Сана утопла...»

Зоя. Сана? Эта, старшая, Гулайкиных?

Вера. Нет, Изилиевых.

Зоя. А...

Вера. Ну так вот, «иду, – рассказывает, – уже забирать вверх начал, где посуше. Тут вижу в траве люльку, а там, луна как раз глянула, светло стало, ребенок с серебряным рожком во лбу. Не плачет, а мурлычет как кошка. Ну, я зыбку взял, отнес в сторожку. Чайник поставил, тут постучались. Открываю – женщина. Все понял без разговоров. Ребенка отдал. Наутро смотрю – под окном большущая рыбина».

Пауза.

Вера. Вчера телят пошла кормить. Слышу крики. Заглянула в огород. Лапкас с Варасом стоят возле калитки как пришибленные. Ну, тут меня Кондратий хватил. Посмотрела, куда они пальцами тычут. А у Тулвики в огороде, возле пугала, кто-то хвостатый. Мальчишки в школе учатся, конечно, нахватались всякого про призраков... Ну я тоже, стало быть подумала с дуру: всякое может быть. Как тут не подумать. Да только пригляделась: Тулвика! Издали и не поймешь, что это не хвост, а черенок лопаты.

После оживленного разговора женщины некоторое время сидели молча: пили горячий чай, сдобренный мятой и смородиновым листом. Внезапно Вера поморщилась.

– Вот еще, что слышала. Этот, Денис, библиотекарский сынок что учудил. Как Валентина отлучилась, собрал книжки и поджог. Ладно, Васька, кочегар, зашел из каптерки. Оттаскал за уши. Денис в три ручья реветь, тут мать подлетает. Денис ей жаловаться, так и так, хотел костер как у этих... ну, индейцев, чингачгуков что ли, разжечь. А тут Васька пришел и мне чуть голову не отвинтил. Ну, а библиотекарша... разве не дура? Вместо того чтобы спасибо сказать за ум-разум, давай Ваську метелить. «И что, – говорит, – такого? Ребенок книжек начитался, ему нужно было все объяснить, а не уши рвать!» Васька плюнул, ушел. А Валентина начала книжки собирать раскиданные, да тут увидела, что одна какая-то старинная. Тут начала спрашивать Дениса, откуда взял. Денис сказал: «Из школьного музея стащил». Так-то.

* * *

Когда Зоя хотела выйти во двор, скрипнула калитка и во двор, громко шаркая калошами, вошла Тулвика.

Старуха не стала размениваться на мелочи и, шамкая беззубым ртом, сказала:

– Вчера, на крыльце лавки, сатурнеевские обнимались. Так пойдет, ребенка сделают.

Зоя, уставшая от чреды визитов, бесстрашно отмахнулась.

– Померещилось. Может не они были, или просто сидели. Сейчас же не старое время, взаперти у мужа сидеть.

Тулвика вскинула заострившийся от старости, с бородавкой, из которой торчали два черных волоса, подбородок.

– Так они потом ко мне на скамейку пошли. Я утром под ней трусы нашла.

– Ну, так что? С кем не бывает? Они еще не расписанные, – проговорила Зоя. – Девчонка сопливая, вот вырастет, тогда будет понимать, что такое мужнина жена.

– Эх, все сейчас не так как раньше! – посетовала Тулвика. – Раньше все по обычаю было, до свадьбы не гуляли.

Зоя усмехнулась, видимо, припомнив кое-что из своей биографии.

– Так к парню никаких претензий. Пусть петушится, это у них, мужиков, природа такая. Главное, чтобы приползали назад, кобели, и не пили много.

Тулвика согласилась, закивала.

– Правильно говоришь, девке надо за двоих думать.

Глава XII. Клад

Прошла неделя. Митя целыми днями торчал на улице, но Аленона как сквозь воду канула. И вот, на исходе воскресенья, он увидел знакомое платьице. Перед глазами Мити запрыгали желтые круги. Он хотел побежать навстречу, но ноги приросли к земле, словно электромагниты к металлолому. Как нарочно, Аленона шла с полными ведрами. Золотисто-бронзовые на солнце руки, будто крылья, обнимали красное коромысло. Прядь волос сбилась, и, показывая краешек светлого уха, лежала на плече.

Поравнявшись с Митей, Аленона сказала:

– Пойдем. – В уголках ее губ мелькнула виноватая улыбка. – Просто не было времени, мачеха работой завалила. Сегодня я сама хотела за тобой сходить.

Обстановка жилища Забельских не отличалась оригинальностью. В углу, под полотенцами, стоял чернобелый «Горизонт». По деревенскому обычаю, его экран почти до половины скрывала кружевная салфетка. Единственным украшением стены являлась лубочная картина. На ней, довольно грубо, были изображены два лебедя. Все остальное отличалось отсутствием элементарной достоверности и поражало самыми дикими красками. Смахивающие на пальмы, покрытые розами, березы отражались в ядовито яркой, как раствор медно-

го купороса, воде. По желтому, словно сера, небу плыли голубые облака.

Иван Петрович и Константин сидели за столом, выпивая за успех предстоящего мероприятия.

– Можешь спрашивать у них, что хочешь. Теперь они пьяные, – шепнула Аленона, подталкивая Митю в спину.

Увидев мальчика, Константин воскликнул:

– А, пионер! Ну давай, подсаживайся. Аленона тебе чайку нальет.

Икнув, Константин обратился к Петровичу.

– Чего-то я нить твоих рассуждений упустил. Начника, братец, все сначала.

Учитель, то и дело норовя поддеть носом остатки яичницы, приступил к лекции. Он был так пьян, что его мысль, чистая, светлая, лилась как речь лектора из общества «Знание».

– Теперь уже неважно, что входило в химический состав невидимых чернил: царская водка или кобальтовый королек. Итак, я еще раз изучил записку. Я сразу вычленил из нее то, что было написано по-русски: слово, М., отай, вежи.

– Что такое отай и вежи? – спросил Митя.

– В переводе с древнерусского: тайно, башни. После этого я приступил к расшифровке непонятной части текста. Конечно, прежде всего, я обратил внимания на **С2М7V7X**. Это не похоже ни на один алфавит. Может, что-то грузинское, армянское, или глаголица. Но, как говорил Аркадий Гайдар, все то, да что-то не то.

Сначала я перебрал французский, немецкий, английский языки. Потом перешел к испанскому, итальянскому. Наконец очередь дошла до польского, идиш, литовского и караимского. Безрезультатно. Я подумал: может это тайнопись? Но какой вид тайнописи мог

использовать человек, игнорирующий европейские языки? Тут мне пришло на память, что московские писцы, а позже купцы и офени, в качестве тайнописи применяли знаки зырянского алфавита Стефана Пермского. Оставалось только достать «Древнепермскую письменность» Лыткина. На первой странице я увидел букварь «абур» с названиями букв. Непонятное слово **СЗМТУТХ** оказалось составленным из названий зырянских букв. Выписав их в столбик, я получил...

Иван Петрович протянул Мите порядком замаслившийся тетрадный листок, на котором было написано следующее:

С Сий
З Ан
М Жой
Т Иэ
У Нэнё
Т Иэ
Х Вэж

– Понятно?

– Нет.

– А ты лучше приглядишься. Читай по первым буквам.

– Сажинив. Похоже на саженой. Но почему сажинив?

– В «абуре» не было специальных обозначений для букв «е» и «й», поскольку они передавались как «иэ» и «в». Теперь, что получается?

– Саженой.

– Что и требовалось доказать! Дальше нашему шифровщику просто надоело выписывать стефановские закорючки, и он перешел на названия букв. Итак, – Иван Петрович ткнул пальцем пониже, – получилось:

СЛОВО М. САЖЕНЕЙ ОТ ۱خ۲دوژسگوید VEЖИ НА ЗАПАД

Разумеется, я сразу обратил внимание на арабские письмена. Оставалось предположить, что механизм был тот же, что и с зырянскими. Ребус был русский, но написан арабской вязью. Я полез в арабско-русский словарь. Прикинул, опять ерунда какая-то выходит. И тут меня осенило. Откуда автор шифра мог знать арабский? От местных мусульман, которые использовали арабские письмена для обозначения звуков литературного языка «тюрки».

Вот что у меня получилось (заметь, что надо читать справа налево):

<i>Арабское начертание</i>	<i>Звуковое соответствие в языке тюрки</i>
ی	й
ا	о
خ	к
د	с
د	в
د	о
و	л
ژ	й
س	а
س	х
گ	и
و	м

– Михайловской! – воскликнул Митя.
Иван Петрович икнул.

– Правильно соображаешь. Итак, непонятное СЛОВО оказалось названием буквы кириллического алфавита, имеющей, кроме того, цифровое значение 200. Получилось:

ДВЕСТИ М. САЖЕНЕЙ ОТ МИХАЙЛОВСКОЙ ВЕЖИ НА ЗАПАД

– Постойте, – спохватился Митя, – а почему «от», а не «тайно»?

Иван Петрович усмехнулся.

– Вот, смотри, это тоже названия букв:

О

Тай

Митя еще раз перечитал получившийся текст.

– А что это за Михайловская вежа?

Учитель бросил на мальчика высокомерный взгляд.

– Раньше, в 1617 веках, когда жить здесь было опасно, из-за постоянных набегов казаков и башкир, возле каждой марийской деревни стояла сторожевая башня, вежа. Конечно, к концу XIX века большинство из них сгорели, а оставшиеся разобрали на дрова. К счастью, хотя фундамент сатурнеевской сохранился, было известно, что она стояла «на высоком холме, напротив усадьбы».

– А почему она тогда называется Михайловской?

Иван Петрович пожал плечами.

– Трудно сказать. Может быть, это какое-то местное название, вроде «козьего брода» или «лисыих нор за кривой березой». Моя задача облегчалась тем, что в округе нет других возвышений. Оставалось только рассчитать расстояние от известного объекта, до того места, где зарыт клад. Здесь, судя по литере М., речь идет о маховой сажени, длина которой равнялась 1,76 метрам. Получается ровно 352 метра.

Скрип телеги уныло разливался в вечернем воздухе. Иван Петрович держал вожжи, Константин курил, щурясь на яркую полосу заката, Аленона молчала.

Митя не мог поверить в то, что они едут за сокровищами. Накануне ему пришлось употребить всю свою фантазию, чтобы уговорить тетю отпустить его ночевать к Забельским. К счастью, в это время к Альберту и Зое зашел Иван Петрович. Митина версия о том, что они с Аленоной собираются заняться изучением карты звездного неба, получила неожиданное подтверждение.

Проехав через ручей, кладоискатели повернули в сторону усадьбы. Наконец справа потянулся густой лес. Выехав на узкую как туннель поляну, Иван Петрович натянул поводья.

– Дальше пойдем пешком.

Константин достал спрятанные под сеном лопаты.

Привязав лошадь к высохшему дереву, Иван Петрович раздал электрические фонарики и первым двинулся по еле-заметной тропинке.

Через несколько шагов тропинка закончилась. Кладоискателям пришлось перебираться через сплошной бурелом. Крепкие на вид, набитые трухой, сучья разламывались, будто пенопласт. Заросшие сиренево-пенным лишайником ветки неожиданно оказывались крепче железных прутьев. Когда нога проваливалась в узкое пространство между ними, они смыкались наподобие капканов.

Местами стволы упавших деревьев отступали, открывая заросшие мхом поляны-комнатки. В просветах почерневшей от сумерек листвы проглядывало зелено-индиговое небо с льдинками последних звезд.

Наконец кладоискатели достигли небольшой, заранее очищенной от бурелома, полянки.

– Пришли, – сказал Иван Петрович.

* * *

Митя потерял счет времени. Его работа заключалась в том, чтобы откидывать выкопанную землю. Аленона стояла рядом и, изредка, подменяла его. Хрусткий треск корней, удары лопат с монотонной периодичностью сменяли друг друга.

В какой-то момент Иван Петрович вылез из ямы и, достав из кармана уже знакомый Мите листок, начал что-то высчитывать.

Последовавший за ним Константин глухо выругался.

– Ты, часом, ничего не напутал, Петрович?

– Я, что тебе, почтальон, словами разбрасываться? Вот, можешь сам все проверить.

– Да нахрена ты мне эту бумажку суешь под нос. Думаешь, я соображаю в твоих закорючках?

Когда взрослые решили устроить перекур, Митя обменялся с Аленоной красноречивым взглядом. Девочка только пожала плечами. Ей было тепло в отцовской куртке.

– Хочешь согреться?

Не дожидаясь ответа, Аленона притянула Митю за руку. Мальчик сразу почувствовал силу ее мышц. Кожа на Аленониной ладони оказалась обветренной, непривычно шершавой. От неожиданного толчка Митя потерял равновесие, и его губы невольно соприкоснулись с чем-то мягким, нежным, как край облака.

– Фу, ты меня всю обслюнявил! – прошептала Аленона, отводя выбившееся из-под куртки круглое плечико.

Только тут Митя обратил внимание на то, что короткая летняя ночь закончилась.

Лес пробудился. Нежное пенье соловьев сменилось разнообразным щебетаньем иволг и дроздов. То тут, то там слышался деловитый стук дятлов. Солнце освещало парящие над землей парашюты листьев.

После перекура Иван Петрович и Константин решили сходить проверить лошадь.

Оставшись одни, ребята бесстрашно спрыгнули в вырытую яму.

– Жалко, что здесь ничего нет, – сказала Аленона. – Но, все равно, было интересно. А тебе?

Митя, увидев несрытый выступ, автоматически поддел его ногой. Кусок подсохшей глины отвалился, обнажив уголок железного ящика.

– Кажется, нашел, – пробормотал он.

Аленона застыла на месте.

– Что вы там... – раздался сверху недовольный голос Ивана Петровича.

* * *

Не прошло пяти минут, как стальной ящик, не больше коробки из-под стирального порошка, был поднят на поверхность.

Очистив крышку, кладоискатели увидели нарисованный на нем дворянский герб. Он был красочный и замысловатый. Два льва держали овальной формы щит, разделенный на шесть частей. Каждая часть, в свою очередь, представляла собой маленький герб.

– Кажись, я где-то видел такой... – сказал Константин. – А, вспомнил, на стене, в кабинете директора, до того, как его известкой замазали.

Пока Иван Петрович пытался сбить заржавевший навесной замок, Митя хорошо рассмотрел каждый герб в отдельности. Внутренний овал был разделен на две части. В верхней располагался, по всей видимости, родовой знак Кошечевых: похожая на латинскую букву Z, перечеркнутая посередине стрелой, фигура. В нижней – герб Пермской губернии: медведь с Библией на спине. На внешнем овале, по часовой стрелке, были изображены: единорог, кузнец, полумесяц с шестиконечными звездами, олень, лук со стрелой и, грозящая из облака, рука.

Наконец проржавевшие петли замка треснули как высохший табачный лист. Иван Петрович нетерпеливо откинул крышку.

Сначала Митя ничего не понял. Золотые рубли были уложены рядами, гуртом, в полуистлевших деревянных гнездах. Они напоминали гофрированные шланги из фильма «Солярис» Андрея Тарковского. Однако, приглядевшись, можно было различить надпись: ЧИСТАГО ЗОЛОТА 2 ЗОЛОТНИКА 69, 36 ДОЛЕЙ (АГ).

Монеты не хотели разлепляться, только когда Иван Петрович с трудом вынул одну, в глаза ударил ртутно-чеканный блеск пятирублевой монеты «Божей милостью Александра III, императора и самодержца всероссийского» чеканки 1886 года.

Несколько монет оказались неправильной формы, с полуистершимися надписями. Учитель чуть не выронил их.

– Подумать только, златники Владимира! – Ивана Петровича охватил приступ золотой лихорадки. – Видите, на аверсе, то есть лицевой стороне монеты, изображен грудной портрет князя Владимира в шапке с

подвесками, увенчанной крестом. Внизу схематично прорисованы согнутые ноги. Правой рукой князь держит крест, левая рука на груди. Над левым плечом показан характерный трезубец, родовой знак Рюриковичей. Вокруг по кругу надпись кириллицей: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЬ (то есть Владимир на престоле). На обратной стороне, реверсе, лик Христа. По кругу надпись: ІСУСЪ ХРИТОСЪ.

– Петрович, а чего они какие-то маленькие и кривые? – спросил Константин.

Учитель усмехнулся.

– Маленькие, да удаленькие! Знаешь, сколько они стоят? До сегодняшнего дня известно всего 11 найденных златников Владимира. Семь из них хранятся в Эрмитаже, остальные в музеях Украины и в частных коллекциях.

Аленона задумалась.

– Владимира, того самого, из былин?

– Его самого.

– Но... откуда у Кощеевых могли оказаться такие реликвии?

Иван Петрович пожал плечами.

– Возможно, они держали их в качестве фамильных сокровищ. До сих пор ведь мы не знаем ничего о древности их рода. В любом случае, понятно, что они привезли монеты с собой из Центральной России. Первый златник был приобретён Бунге в 1796 году в Киеве у солдата-украинца, который получил его в подарок от матери. В 1815 году киевский коллекционер Могилянский выкупил монету у Бунге, но вскоре потерял её. Монета стала известна среди коллекционеров по гипсовому слепку. Первоначально златники считались сербскими или болгарскими подражаниями византийской

чеканке, однако последующие находки в составе кладов (например, найденный в 1804 году в Пинске и переданный в Эрмитаж клад византийских солидов XI века с несколькими златниками Владимира), тщательные исследование монет и расшифровка надписей позволили установить их древнерусское происхождение...

Константин нетерпеливо отмахнулся.

– Ну, будет тут, Петрович, лекцию разводить. Надо к предколхоза ехать.

Эпилог

Прошел месяц. Страсти, вызванные сообщением о находке сокровищ, понемногу улеглись. Однако никто так и не мог сказать, куда делась наковальня из кузницы.

Точная сумма клада осталась тайной компетентных органов. Как сообщала районная газета «Победа», «все золотые монеты поступили в распоряжении Государственного банка СССР, для того, чтобы быть потраченным не на прихоти богачей, а на реализацию продовольственной программы КПСС». В этой же статье сообщалось о том, что «тракторист колхоза «Заветы Ильича»... и учитель истории Пионерской неполной сельской школы... получили почетные грамоты... кроме того, им было выплачено полагающееся по закону вознаграждение».

Для Мити и Аленоны наступило время славы. Деревенские дети ходили за ними табуном. Особенно донимали Юрка и Денис, которым тоже не терпелось что-нибудь найти. Снежана и даже близняшки Лена и Инна бессовестно набивались в подруги. Старшие, вроде Радия, интересовались подробностями. Только одна Надя делала вид, что ей это все не интересно.

Что касается взрослых, то их разговоры сводились к одной теме: сколько денег Константин и Петрович получают от предколхоза.

Загадка разрешилась к приезду Анны. Председатель колхоза «Заветы Ильича» закончил прокладку асфальтовой дороги до своего дома на окраине Пионера. Константин приобрел почти новенькие «Жигули» и, что прославило его на целый район, бросил пить. Не взирая на протесты Анны, он подарил Мите предмет мечты и гордости всех мальчишек – велосипед «Каму». Аленона тоже не осталась в накладе. Она стала единственной в районе двенадцатилетней обладательницей джинсов. Иван Петрович купил японский видеоманитофон, уволился из школы и заключил договор с руководством сатурнеевского клуба на «демонстрацию зарубежной кинопродукции».

Жизнь других альгинцев изменилась мало. Вера заподозрила Тоню в краже гусей. Макар продолжил расхитительно-трудоу деятельность. После того как не осталось досок, он перешел на жерди и куски шифера. Почтальон Гера написал заметку об инопланетянах и приступил к поискам снежного человека. Больше всех удивил Федор, заказавший гипсовую скульптуру на могилу сына. Она не имела ничего общего с оригиналом и, ко всему прочему, зачем-то была выкрашена в розовый цвет.

* * *

Перед отъездом Мити в Уфу, ребята решили еще раз прогуляться. Они не заметили, как оказались в окрестностях усадьбы. Вдруг небо потемнело, и хлынул дождь. Аленона стремглав бросилась к копне сена. Митя, стуча сандаликами, побежал за ней.

Внутри копны оказалось сухо и тепло. Вдыхая крепкий, будто старое вино, запах трав, ребята мечтали о том, как проведут следующее лето.

– Папа обещал, что свозит меня на сабантуй в Базаново, – сказала Аленона. – Ты поедешь с нами?

– Поеду.

– Вот это здорово! А потом мы еще можем съездить в Бирск к моей двоюродной сестре.

Митя искренне удивился.

– У тебя есть двоюродная сестра?

– Конечно.

Наконец Аленоне надоело сидеть, она проделала дыру в сене, и Митя увидел, что дождь закончился.

Короткий ливень не наделал грязи, но сбил пыль, омыл растения. Теперь все они сверкали в лучах прорывавшегося через легкие разрывы облаков солнца. Митя никак не мог насытиться напоенным влагой, ветром, ароматами цветов воздухом. Он был слаще лимонада и, одновременно, свежий, как только что снятый с плиты овощной суп.

Митя и Аленона пошли по обочине. По краям дорожной насыпи качались розовато-фиолетовые, с шишковидными основаниями, цветки бодяга. Оранжево-черные шмели вились над синяком, тычинки которого напоминали широко раскрытые ресницы танцовщиц кабаре.

Перейдя через трубу, под которой, весь в зарослях стальника, солодки и белоснежного, как флердоранж, кукушкиного цвета гремел родник, ребята поднялись к воротам усадьбы.

Лицо Аленоны приняло таинственное выражение.

– Пойдем?

– К ней?

– Ты что, боишься?

Митя демонстративно пожал плечами.

– С чего ты решила?

* * *

Кладбище встретило их торжественной, как утро в отделении милиции, тишиной. Капли с листьев со звоном падали на блестящий мрамор надгробия.

Ребята, притихнув, стояли, думая каждый о своем.

– Ей нужно было быть осторожной! – неожиданно воскликнула Аленона. – Может тогда бы Андрей ничего не заподозрил.

Тут ее взгляд упал на надгробие приказчика. Скривив от омерзения губы, она пнула его.

– Все из-за тебя! Сообщник, а еще прикидывался добрым!

Митя еле удержал девочку от желания вынести надгробие из кладбища. Аленона страшно обиделась и отошла в сторону. И тут Митю осенило.

– Что если недостающие страницы дневника сохранились в архиве? Тогда мы сможем выяснить имена ее настоящих убийц!

Гнев Аленоны сразу поутих.

– Точно. Как только я сама до этого не додумалась... Только нас туда никто не пустит. Придется выкрасть дневник.

Митя вытаращил на девочку глаза.

– Как выкрасть?

– Очень просто. Я приеду в Уфу из Бирска на утреннем автобусе, а вечером вернусь обратно.

Хотя фантастичность плана представлялась обоим очевидной, это не помешало им поклясться, что когда-нибудь они обязательно доведут свое расследование до конца.

Потом Митя и Аленона старательно очистили надгробие от налипших на него листьев.

Содержание

Глава I. Ключ в замке	3
Глава II. Призрак	12
Глава III. Пропали и нашлись	19
Глава IV. За хлебом	27
Глава V. Рыбаки и плотники	38
Глава VI. Мельник	50
Глава VII. Пастух и пастушка	64
Глава VIII. Сундучок Радия	71
Глава IX. Колодец.	81
Глава X. Дневник	94
Глава XI. Сплетни	129
Глава XII. Клад	139
Эпилог	150

Александр Сергеевич Иликаев

Призрак девушки

повесть-пастораль

Художественное оформление и верстка *К.Б. Владимиров*

Vagant 2010

Подписано в печать 03.06.2010. Формат 60X84/16.
Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. – 10,0. Уч.-изд. л. – 9,8. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1280

ООО «Вагант»
450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а
E-mail: salavatv@rambler.ru